

[Polaris]

БАРРИ ПЭЙН

НОВЫЙ
ГУЛЛИВЕР

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCL

Salamandra P.V.V.

Барри
ПЭЙН

НОВЫЙ ГУЛЛИВЕР

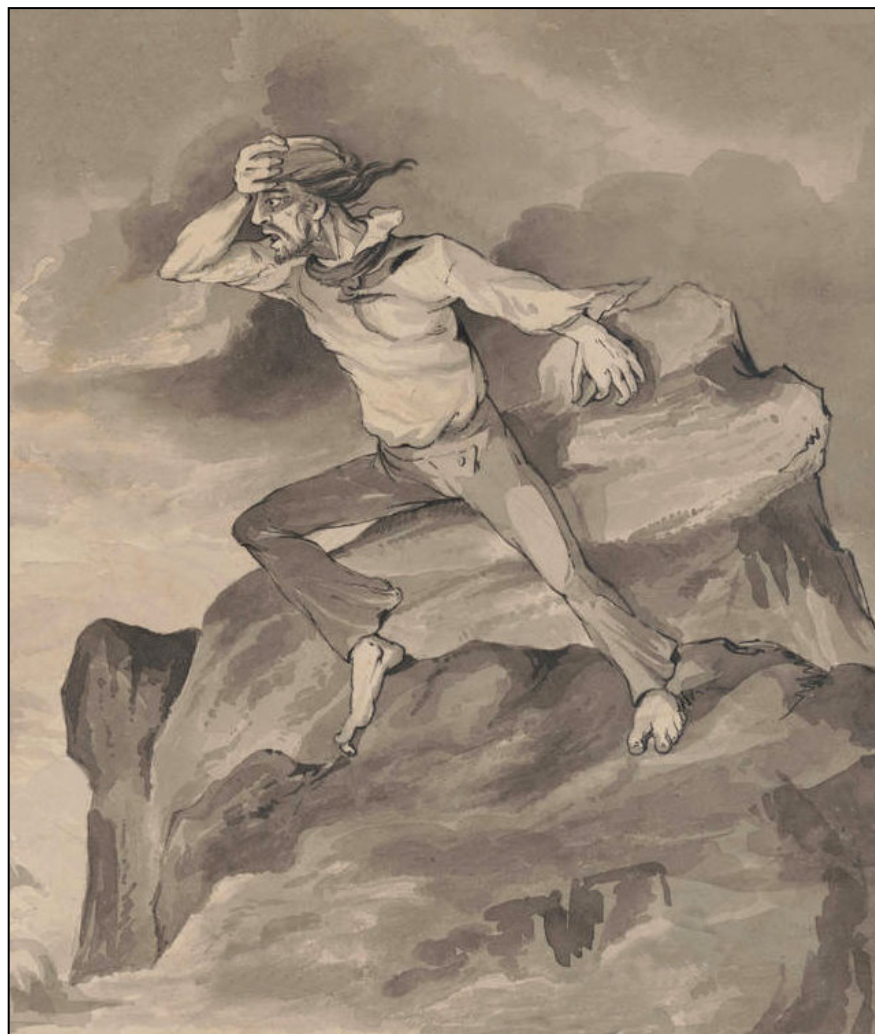
Затерянные миры
Том XXIV

Salamandra P.V.V.

Пэйн Б.

Новый Гулливер. Пер. З. Журавской (Затерянные миры. Том XXIV). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 67 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCL).

Лемюэль Гулливер-младший, герой повести английского писателя Барри Пэйна, оказывается на краю Земли, острове Туле, где процветает рабовладельческая утопия. Властители страны используют лучевое оружие и нуль-транспортировку, однако живут под землей и передвигаются на четвереньках, рабы же здоровы, красивы и довольны своей участью.

НОВЫЙ ГУЛЛИВЕР

ГЛАВА I

Первые страницы путевых записок Лемюэля Гулливера-младшего, к сожалению, повреждены огнем и неудобочитаемы. В них упоминается о шторме, морском тумане и кораблекрушении... По-видимому, автор записок спасся вплавь, и его о том, сколько дней он провел в воде и сколько миль проплыл, граничит с невероятным. К его уверениям, будто он питался все время сырым мясом акул, имевших неосторожность напасть на него, также относятся без особенного доверия тот, кто помнит, на какой широте принято помещать остров Фулу*. Дальнейший рассказ, читаемый уже легко, начинается со дня его прибытия на остров.

Я выжал воду из своей одежды, крутя ее, сколько хватало силы, и разостлал ее на камнях — пусть сушится на солнце. Через час или около того, я уже настолько отдохнул, что мне захотелось посмотреть, что это за остров, куда меня забросил мой злополучный рок. Я надел на себя высушенное платье и вскарабкался на невысокую скалу.

Местность, расстилавшаяся передо мною, по-видимому, была большей частью открытая и плоская. Длинные полосы песка и жесткой травы перемежались группами низко-

---

* Сказочный остров на крайнем северо-западе Европы — «Край света» (Прим. перев.).

рослых кустарников. Вдали, в бинокль, я разглядел несколько участков вспаханной земли, но нигде не находил ни одного строения, которое могло бы служить жилищем человеку. В одном месте, приблизительно мили за две от меня, по моему расчету, поднимался столб дыма, как будто прямо из земли. Я принял это за явление вулканического характера, но все же недоумевал, как же это земля обработана, а признаков человеческого жилья не видеть — ни единого дома или коттеджа.

Я так был поглощен осмотром местности, что и не заметил, как ко мне приблизилось человеческое существо, пока не услышал шагов возле себя. Я говорю: человеческое существо; однако же, во многих отношениях существо это не походило на человека, каким я знал его до тех пор. В особенности удивил меня его способ передвижения. Медленно и с трудом оно шло на четвереньках, и руки у него были длиннее, а ноги короче, чем у нормального человека. На нем была рубашка и штаны из толстой серой шерстяной материи, а на руках и на ногах из той же шерсти свободные сапожки с кожаными подошвами. Голова была непропорционально велика и казалась чересчур тяжелой для тонкой шеи. Череп лысый, окаймленный бахромой редких седых волос. Огромные очки с выпуклыми увеличительными стеклами не позволяли разглядеть глаза, а беззубый рот был до смешного мал. Это курьезное существо могло скорее насмешить, чем напугать, так как тело у него было тщедушное, движения слабые и вялые; притом же оно не выказывало никаких признаков враждебности.

— Я вижу, — начало оно, — что вы житель старого мира. Кто вы такой?

Голос у него был приятный, а произношение вроде американского.

— Лемюэль Гулливер, моряк, потерпевший крушение, к вашим услугам. Не скажите ли вы мне, что это за остров, куда я попал, и с кем я имею честь говорить?

— Остров этот — Фула-Туле-Ультима-Туле — единственное место на земле, ушедшее от варварства. Случай оказал вам большую услугу, забросив вас сюда.

Говоривший вынул одну руку из сапога, снял очки и замигал светлыми, близорукими глазами. Теперь я мог удобнее рассмотреть его. По лицу его можно было принять и за старика, и за старуху, так как никакой растительности на этом лице не было. Но выражение лица было умное и хитрое.

— Я понимаю ваше затруднение, — сказал он. — Можете считать меня мужчиной, хотя для существ первого разряда, к которым я принадлежу, пол упряднен. Это было, пожалуй, худшее из зол природы, в течение столетий побежденных, наконец, нашей цивилизацией.

— Но тогда, значит, ваша раса или класс существ, к которому вы принадлежите, обречен на вымирание?

— Несомненно, она вымирает, — снисходительно усмехнулось странное существо, — но менее быстро, чем мог бы предположить варвар. Рост знания принес с собой долговечность. Мне вот уже сто девяносто два года. Разумеется, конец придет и для меня, если на то пошло. Почему бы и нет?

Я смотрел на него и думал, что с эстетической точки зрения, действительно, не жаль будет, если эта уродина исчезнет. Странное существо снова надело очки и растянулось во всю длину на песке, словно утомленное стоянием даже и на четвереньках. И продолжало:

— Смерть индивидуума, конечно, до известной степени есть признание в своей несостоятельности. Она обозначает неспособность приноровиться к окружающей среде, вытекающую, главным образом, из невежества. Вымирание целой расы может быть совсем иным — она сделала все, что могла, и больше на земле ей делать нечего. Как бы то ни было, ясно, что последний из нас, тот, кто переживет всех прочих, будет представлять собою высшую степень развития всех возможностей, заложенных в человеке. Я иногда размышляю о том, кто из нас будет этим последним. Может быть, профессор М6403 из Департамента Внешних Дел. Некоторые уверены в этом, в том числе, я полагаю, и сам он. С другой стороны, возможно, что этим последним будет не он, а я. Как бы то ни было, нас осталось еще несколько тысяч, и в данный момент подобные гадания могут показаться вам

праздным занятием.

Платье мое еще не просохло; я озяб, устал и проголодался. И его болтовня о профессорах и о том, кто кого переживает, нимало не интересовала меня. Я рискнул поставить ему на вид, что в данный момент я больше всего нуждаюсь в отдыхе и пище.

Он неуклюже поднялся и снова стал на четвереньки.

— Верно, — молвил он. — Я позабочусь об этом. Мы — народ гостеприимный, хотя чужестранцы нас посещают редко. Я немедленно же поведу вас в свой дом.

— В ваш дом? Боюсь, что идти придется очень далеко, так как вблизи я не вижу никакого дома.

На миг он был озадачен; затем в близоруких глазах его засветилась догадка.

— Я понимаю. Но вы ошибаетесь. Вы пришли из старого мира, где еще строят дома на старый лад. Мой друг, профессор, специально занимается изучением истории старого мира. Но, разумеется, есть факты общего характера, как предполагается, известные каждому образованному человеку, и я знаю, о каком типе домов вы говорите. Я видел изображения этих домов в музеях. Но у нас, на Фуле, где авиация уже много веков тому назад стала самой дешевой и самой употребительной формой сообщения, скоро выяснилась явная невозможность иметь надземные жилища. Для таких жилищ авиация является постоянным источником опасности, а они сами — источником опасности для авиатора. Наши жилища все подземные. Мы рисковать не любим и стараемся избегать всяких опасностей. Вы увидите дом, куда я поведу вас, только когда подойдете к нему, но тем не менее, он находится отсюда не более, как на расстоянии четверти мили.

Он шел так медленно, что мне пришлось значительно убавить шаг, чтоб не обогнать своего вожатого. На ходу он немного походил на миниатюрного, усталого слоненка.

— Авиация! — задумчиво повторил я. — Должно быть, вы довели ее до высокой степени совершенства?

— Наоборот, она отжила свой век и вышла из употребления. Но мы не видим основания изменить наш тип жи-

лиц, соединяющий в себе много преимуществ.

— Что же вытеснило авиацию? Чем вы ее заменили?

— Способностью каждого организма или группы организмов рассыпаться на атомы и снова восстанавливаться с полной тождественностью в другом месте.

— Это я что-то не понимаю.

— Вполне естественно, что вы не понимаете. Однако, вот мы пришли... Это мой дом...

По-моему, это был скорее обыкновенный колодец со спиральным спуском.

— Заметьте, когда я утомлен ходьбой и возвращаюсь домой отдохнуть, я спускаюсь, а не поднимаюсь, как это приходилось делать в домах старого типа.

По моему расчету, мы спустились футов на 35-40 ниже поверхности земли. И очутились перед самой обыкновенной дверью с медным молотком на ней и электрической лампочкой над нею. На двери были выведены буквы и цифры: MZ04. Мой вожатый отворил дверь небольшим ключом, вынутым им из сапога. Замочная скважина и ручка двери помещались на такой высоте, что ему нетрудно было достать их, не поднимаясь на ноги. Мы вошли в небольшую переднюю, ярко освещенную и не заключающую в себе никакой мебели, кроме циновки, о которую мой проводник тщательно вытер все свои четыре сапога. А затем пригласил меня последовать за ним в столовую; я охотно повиновался.

Однако, войдя в эту комнату, я разочаровался, так как она ничуть не походила на обыкновенную столовую, и никаких признаков ожидаемого угощения в ней не было. Вдоль стен тянулись полки, уставленные нумерованными бутылочками, и все бутылки были полны миниатюрных пилюль. Посредине комнаты, под самой лампой, стоял низкий стол, а на нем ряд небольших алюминиевых чашечек и книг в кожаном переплете. Иной мебели здесь не было.

— Вы, по-видимому, ищете стулья? — заметил мой хозяин. — У нас их не имеется. Стоять на ногах утомительно и вредно для здоровья, сидеть тоже опасно. А мы избегаем риска. Лежать или ходить на четвереньках — вот это безопасно. Но, если вы желаете посидеть на полу, пока я при-

готовлю вам еду по наиболее пригодному для вас рецепту, пожалуйста, присаживайтесь.

Я уселся на пол, жесткий и холодный. Слово «рецепт» мне вовсе не понравилось. Я предпочел бы всяким химическим составам добрый кусок говядины. Но ничего не поделаешь: в чужой монастырь с своим уставом не ходи.

Мой хозяин вытащил руки из сапог и развернул книгу на столе.

— Я привык и большинство формул знаю наизусть, — задумчиво сказал он, — но не могу припомнить, что помогает от простуды вследствие долгого пребывания в морской воде. Мне никогда не приходилось пробовать этого средства. Ага, вот оно, № 101.

Он снял с полки бутылочку под этим номером и уронил одну пилюльку в алюминиевую чашечку. Я заметил, что все полки были прибиты невысоко над полом, да и само помещение рассчитано на существ, которые ходят только на четвереньках. Далее, я заметил, что и в этом и во всех других домах, которые мне доводилось видеть, мебели было очень мало.

Характерной особенностью населения Фулы была ненависть ко всему излишнему.

Все время не переставая говорить, мой хозяин снимал с полки одну бутылочку за другою; все они были снабжены таким хитрым затвором, что, когда бутылочку опрокидывали, выпадала только одна пилюлька.

— Я никогда не ел акулы, ни в сыром виде, ни в вареном, но думаю, что, если сидеть исключительно на акульем мясе, это развивает в организме избыток азота. Эту беду поправит № 18-й. К этому я добавляю обычный состав наших трапез— №№ 1-й, 2-й и 3-й; возьмем еще № 64, чтобы разогнать усталость, и пилюлю наркотического свойства из № 68-го.

Он протянул Мне маленькую алюминиевую чашечку с несколькими пилюлями.

— Кажется, здесь все, в чем вы нуждаетесь.

— Я страшно пить хочу, — сказал я.

— Цивилизованный человек не станет есть и пить в од-

но и то же время. — Он отвинтил пробку еще у одной бутылочки и бросил в мою чашечку еще пилюльку. — Вот вы увидите, это маленькое добавление совершенно устранило ощущение жажды. Когда придет время, вам Дадут и нить.

Я послушно проглотил пилюлю и последовал за ним в другую комнату, на одном уровне с первой, но поменьше. Потом я видел много таких подземных домов. Все они выстроены по одному плану; во всех комнаты были маленькие и такие низкие, что, стоя прямо, я легко дотрагивался рукой до потолка. Все они отличались полным отсутствием украшений, простотой и скудностью мебелировки. Существа первого разряда в Фуле невысоко ценили эстетические наслаждения.

В углу комнаты, куда мы теперь вошли, лежал пневматический матрац, а на стене были два циферблата, оба снабжены передвигающимися стрелками в виде рук. Мебели здесь никакой не было.

— Вот ваша постель, — сказал хозяин. — Ложитесь и спите.

— Вряд ли это можно назвать постелью.

— Варвары понимали постель иначе. Но мы давным-давно отказались от всякого постельного белья. Оно негигиенично. Все, что нужно, — это повысить температуру комнаты, где находится спящий. А это вы легко можете сделать, передвинув стрелку первого из циферблатов, контролирующего тепло. Сейчас она стоит на пятнадцати. Когда я ложусь спать, я обыкновенно передвигаю ее на двадцать. Попробуем поставить ее на двадцать; если вам будет холодно, подвиньте ее дальше. Второй аппарат регулирует освещение и дает пять градаций света, вплоть до абсолютной темноты.

— А вот нельзя ли будет просушить мое платье? Боюсь, что оно и сейчас сырое.

Он с явным отвращением смотрел на мое платье.

— Если вы положите его за дверь, я позабочусь, чтобы его бросили в истребитель отходов, и закажу для вас другое вместо этого. Вы проспите час; вскоре после того я вернусь. Кстати, как это объяснить, что вы говорите на нашем

языке?

— Я говорю по-английски.

— По-английски, — повторил он вдумчиво. — По-английски? Я где-то слышал это слово. Нет, не объясняйте. Мне не трудно навести справку.

Он ушел. Я поставил стрелку теплового аппарата на двадцать пять. Хотя платья на мне теперь никакого не было, мне было тепло и, несмотря на возбуждение, вызванное новизной моего положения, я скоро уснул, — уж не знаю, от усталости ли, или под влиянием принятых мною пилюль.

ГЛАВА II

Когда я проснулся, мне показалось, что я спал, по крайней мере, часов шесть, а, между тем, я проспал всего лишь час. Я чувствовал себя совершенно свежим и бодрым. Когда меня стала одолевать дремота, я почти погасил свет, и теперь ощупью добрался до второго циферблата и передвигал стрелку до тех пор, пока комната не осветилась ярко. В доме царила изумительная тишина: казалось, он был необитаем. Я приотворил дверь своей спальни и обрадовался, найдя за нею приготовленное платье. Я взял его и стал рассматривать. В первый момент мне показалось, что какой-то сумасшедший портной коварно выкроил две пары штанов из материала, приготовленного лишь для пальто. Разумеется, все дело было в том, что платье было рассчитано на привычки и обычаи обитателей этого странного острова. Вся их одежда состоит из двух вещей, которые поэтому должны быть довольно плотными, и руки у них одной длины с ногами. Да и у нас разница не так уже велика, как большинство людей воображает. Я надел приготовленную для меня пару и, когда засучил рукава, чтобы дать свободу рукам, почувствовал себя в ней довольно удобно. Тут же оказалась и пара сапог, таких самых, как у моего хозяина. Мне они были велики, но я скрепил их пряжкой и завязал шнурками у щиколки.

После этого я осмотрел комнату. Стены и потолок были покрыты каким-то твердым, блестящим веществом; сперва я счел это за краску, потом решил, что это что-то вроде нашего стекла. Стены и потолок, и пол соединялись не под прямым углом, как у нас, а закругленно, что с точки зрения опрятности было, конечно, выгоднее. Пол был выстлан тем же веществом, как потолок и стены, но не гладким, чтобы ноги не скользили. Посредине пола было небольшое пространство в квадратный фут, огороженное решеткой. Когда я стал его разглядывать, веер, помещавшийся внизу его, быстро завертелся, и совершенно беззвучно. В эту минуту постучался и вошел мой хозяин. Я обрадовался, увидав,

что он принес с собой запечатанную бутылку и две алюминиевых чашки, вмещавших, приблизительно, полкварты каждая.

— В это время мы пьем, — сказал он.

— Чудесная мысль, — начал было я, но он остановил меня, сказав, что во время питья разговаривать не полагается.

Он разлил содержимое бутылки в обе чашки, не поровну, себе взял больше, мне дал меньше — и залпом выпил свою часть. Я последовал его примеру и убедился, что я пью дистиллированную воду. Это несколько разочаровало меня, но тем более я склонен был простить ему неравномерность раздела.

— А теперь, друг мой, можно и поговорить.

— В таком случае, может быть, вы объясните мне, почему у вас не в обычае разговаривать во время питья? В стране, откуда я родом, как раз любят посидеть и потолковать за стаканом доброго винца.

— Так было и у нас во времена глубокой древности. Напитки тогда были большей частью спиртные, и чем больше люди пили, тем больше они говорили, и чем больше говорили, тем больше разжигали жажду. А теперь среди существ первого разряда на острове Фула спиртные напитки совершенно неизвестны. Но обычай не разговаривать за питьем остался, хотя теперь мы пьем только одну воду. Это один из многих примеров тому, что ритуал переживает религию.

Я указал на решетку в полу.

— Вентилятор, должно быть?

— Верно. В течение каждого часа он действует две минуты. Он удаляет углекислоту, которая, будучи тяжелей воздуха, осаждается в нижней части комнаты, и в то же время вызывает приток свежего воздуха через соответствующую решетку в потолке. Главное то, что он действует бесшумно. Изучая причины долговечности, мы выяснили, что всякие раздражения сокращают нашу жизнь. А электрический вентилятор раздражает своим шумом, в особенности если он устроен в спальне. Я уверен, что ваши грубые приспособ-

ления по части вентиляции в старом мире до сих пор звенят и трещат.

— Я замечаю, что все ваши электрические лампочки ввинчены в потолок. А это по какой причине?

— Очень естественно. Все, что висит, может упасть. А мы не хотим подвергать себя опасности. Странно, что вы обратили на это внимание; не далее, как на прошлой неделе, я беседовал об этом с моим другом, профессором. Он показал мне рисунок старомодного подсвечника, и кстати рассказал, что в Англии и других нецивилизованных странах был обычай размазывать масляными красками холст, потом вставлять его в тяжелую раму и вешать на стену. Это называлось картиной в раме. Мы здесь не так беспечны. Кстати, я узнал, что мне было нужно относительно Англии. Я переговорил с Департаментом Внешних Дел, и мне сказали, что это кусок земли позади Шотландии.

Впоследствии я узнал, что «переговорить» на острове Фула означало переговорить по беспроволочному телеграфу.

— Упомянув о профессоре, я, кстати, вспомнил, что сегодня день рождения его и мой. В этот день я обыкновенно наношу ему церемониальный визит и с удовольствием взял бы вас с собою. В качестве образчика старочеловеческого вы можете заинтересовать его.

— Могу я узнать, что такое Департамент Внешних Дел?

— Центральный Департамент ведает профессиональным обучением и разделен на Контрольные отделы. Я, например, стою во главе Контроля Освещения и Отопления. Внешний Департамент ведает академическим образованием, и мой друг, профессор, преподает историю древнего мира. Внутренний Департамент разрешает вопросы правосудия. Но сейчас я не имею времени объяснить вам нашу простую конституцию. Нам пора идти к профессору.

— Еще одно, — сказал я. — Могу я узнать ваше имя? У нас с этого начинают.

— У нас нет имен. Каждое из существ высшего разряда имеет свою формулу, отличающую его от других; имена же даются лишь растениям и низшим животным. Существа второго разряда, рабочие, между собой, может быть, и назы-

вают друг друга какими-нибудь именами, но я этого не знаю. Моя формула — MZ04, и так как двух одинаковых формул нет, это предотвращает путаницу. Кстати, ваши волосы всклокочены.

— Само собой. Я сам хотел просить...

— И руки ваши грязны. Так оно и должно быть. Мы готовимся нанести церемониальный визит. Вам, быть может, непонятно. Все наши дома устроены по одному и тому же образцу, и в каждом имеется комната для омовений и купанья. Но, когда мы идем куда-нибудь с церемониальным визитом, мы обыкновенно являемся туда перепачканными и растрепанными. А по прибытии моемся и приводим себя в порядок в уборной хозяина. Это делается из любезности. Мы как бы даем ему понять, что у него в доме имеются удобства, которых нет у нас.

— Извините, но мне это кажется удивительно нелепым.

— С известной точки зрения любезности вообще — нелепость, но, с точки зрения долговечности, она есть мудрость. Она смягчает сердца. Мы настолько сознаем это, что по временам прибегаем к услугам профессиональных оптимистов.

— То есть как?

— Очень просто. Если существо первого разряда чувствует себя расстроенным и угнетенным, оно сознает, что это понижает его жизнеспособность и укорачивает его жизнь. Но сознание этого только увеличивает недовольство. В таких случаях посылают в Центральный Департамент за профессиональным оптимистом. Оптимист приходит и начинает говорить. Он слегка преувеличивает все, что есть благоприятного в положении данного лица. Подчеркивает сильные стороны его характера. Восхищается его способностями. У нас немного таких профессиональных оптимистов, и услуги их чрезвычайно хорошо оплачиваются, — т. е. их право делать заказы в Центральном Департаменте весьма обширно.

— Многое тут кажется мне ребяческим, — сказал я. — А иного я не понимаю.

— Вы варвар и трудно ожидать, чтобы вы сразу постигли всю тонкость более высокой цивилизации. Посте-

пенно вы поймете. А теперь идемте, — я только-только успею навестить профессора, прежде чем идти на службу в Контроль Освещения и Отопления.

Мы поднялись по спиральному откосу; мой хозяин двигался вперед очень медленно и тяжело дыша. Дом профессора находился всего в сотне шагов от нас, но я не ошибусь, если скажу, что мы шли сюда целых пять минут. По внешности он был точной копией того, откуда мы только что вышли. Добравшись до наружной двери, мой спутник постучал молотком один раз. Дверь немедленно отворилась, как бы сама собой, и мы очутились в пустой передней. Отсюда дверь вела в большую комнату, служившую ванной и уборной. Впоследствии я убедился, что во всех домах эта комната была самой большой. Я обратил внимание своего спутника на то, что никто из слуг не вышел нам навстречу и некому доложить о нас профессору.

— Слуг у нас нет, — ответил он. — Имеется второй разряд существ, рабочие, но жить в наших домах мы им не позволяем. Мы так упростили жизнь, что каждый сам легко может смотреть за своим домом. В настоящее время каждое утро Контроль Гигиены посылает в каждый дом по двое рабочих для уборки и чистки, но еще вопрос, будет ли это продолжаться. В данный момент этот вопрос стоит на очереди. Это в некотором смысле роскошь, а роскошь опасна для интересов долговечности. Зачем нам слуга, который бы докладывал о нас? Если профессор знает гостя, в этом нет необходимости. Если не знает, посетитель сам может сообщить о себе то же, что и слуга. Если бы профессор не хотел принять нас, наружная дверь не отворилась бы.

Мы нашли профессора не в первой комнате, а во второй, в столовой, где он принимал пилюли из алюминиевой чашечки, совершенно такой же, как и наши. Не обращая на нас внимания, он продолжал глотать пилюли, и мы в торжественном безмолвии ждали, пока он кончит. По внешности профессор очень напоминал моего спутника, только бахрома волос вокруг лысого черепа была темней и гуще, да что-то в его лице как бы указывало на пристрастие скорее к научным занятиям, чем на изощренную практич-

ность. Я обратил внимание на то, как они курьезно поздоровались.

— Надеюсь, вы больны! — искренне воскликнул мой хозяин.

— Мне очень плохо, — был ответ, — но я уверен, что и вы страдаете каким-то злокачественным недугом.

— Ничего подобного! — сказал MZ04.

Когда я стал расспрашивать, мне объяснили, в чем дело. Гость принципиально должен воспользоваться первым же предлогом, чтобы дать хозяину почувствовать, что он его ставит выше себя. Поэтому этикет требует, чтобы гость являлся в дом нечесаным, немытым, как будто у него нет в доме тех удобств, какими располагает тот, кого он посетил. По той же причине он почитает долгом высказать заведомо ложное предположение относительно здоровья своего хозяина, чтобы тот мог поправить его. Но хорошо воспитанный хозяин, вроде профессора, спешит воспользоваться тем же случаем, чтобы, в свой черед, дать возможность гостю опровергнуть его предположение и тем поставить его выше себя.

Теперь они обменивались довольно тяжеловесными поздравлениями с днем рождения. Но, несмотря на все эти учтивости, я вынес впечатление, что эти люди вовсе не расположены друг к другу и, хотя волнения на Фуле вообще не поощряются, чувство зависти еще не умерло здесь.

— В таких торжественных случаях, — сказал профессор, — я имею обыкновение делать вам какое-нибудь приношение. Я предоставляю вам право прочесть любую рукопись в Центральном Департаменте.

— Благодарю вас от души, — сказал MZ04, — я намеревался сделать то же самое, но думаю, что у меня найдется нечто более вам по вкусу, — своей осапоженной рукой он указал на меня. — Вот курьезная штучка, недавно найденная мною. Вы изучаете историю древнего мира — может быть, она вас заинтересует. Мне с этим курьезом нечего делать, и я с удовольствием презентую его вам. Во многих отношениях — например, в его нелепом пристрастии к стоячему положению — он походит на наши существа второго

разряда, но мне думается, что это неподдельная реликвия старого мира.

— Я того же мнения, — сказал профессор, — и чрезвычайно вам признателен за ваше великодушие. Умеет она говорить?

— И очень быстро, но с дурным акцентом.

Я решительно заявил им, что я человек свободный, никому из них не принадлежу и не позволю обращаться с собою, как с рабом и дарить себя, как вещь. Я несколько раз повторил это в различной форме. Они не обратили на это ни малейшего внимания и терпеливо ждали, пока я кончу говорить.

— У меня сегодня дело в Контроле Освещения и Отопления, — сказал MZ04. — Боюсь, что мне пора покинуть вас.

— Идете прогуляться?

— Нет. Я сегодня уже делал моцион. Я распадусь на составные части.

На моих глазах он как-то потускнел, превратился в туманное пятно, колеблющееся и блестящее, которое все расплывалось и, наконец, совсем исчезло.

ГЛАВА III

— А теперь, — сказал профессор, — прежде, чем мы пойдем дальше, мне желательно было бы удостовериться в одном. — Ведь вы сейчас пришли из дома MZ04?

— Да.

— Вы не заметили в нем, при подъеме, наклонности пыхтеть и отдуваться?

— У него, бесспорно, легкая одышка.

— Бедняга! Бедняга! Мне страшно больно это слышать. Не прожить ему и сотни лет. Какая жалость, что такое высокоразвитое существо погаснет, как свеча.

По лицу профессора никак нельзя было сказать, что ему больно. Насколько я мог судить, он был скорее обрадован.

— Ну-с, теперь я могу всецело посвятить себя вам. Вы давеча протестовали, но, протест ваш, как и большинство протестов, был основан на неведении. Никто не думает обращать вас в раба. Можете смотреть на меня, как на своего хозяина, я же буду обращаться с вами, как с гостем, и смотреть на вас, как на большую редкость. Скажите мне, что я могу для вас сделать.

— Я хочу знать, куда я попал. Я хочу знать историю этого острова, — и что такое существа первого и второго разряда, — и как вы сумели упразднить пол, — наконец, что такое право заказа в Центральном Департаменте. Я здесь всего несколько часов, и все мне кажется таким загадочным и непонятным.

— Это Фула. Точных географических указаний ее положения относительно прочего мира я не могу вам дать, потому что ни в каком географическом соотношении с прочим миром она не находится. Как вы себе представляете: каким образом вы попали сюда?

Я вкратце рассказал ему о своем кораблекрушении и о своей борьбе с акулой, в доказательство показав ему свой большой складной нож, бинокль и еще несколько безделушек, которые мне удалось спрятать в платье, приготовленном для меня прежним моих хозяином.

— Я не сомневаюсь, — сказал профессор, — что вы говорите правду. Но, тем не менее, вы ошибаетесь. Так попасть сюда вы не могли. Это произошло иначе. Но я не расскажу вам как, чтоб вы не воспользовались этим для своего возвращения в старый мир. Вы не пленник, но пока я желал бы удержать вас здесь. А теперь, если желаете, я в общих чертах и по возможности короче изложу вам нашу историю и конституцию. А так как это будет нечто вроде лекции, я лягу. Публичные лекции и речи у нас принято произносить в лежачем положении: наиболее удобная поза способствует и наибольшей умственной сосредоточенности. Пойдемте в спальню.

Он повел меня в комнату, совсем такую же, как моя спальня в доме MZ04. На полу лежал надутый воздухом матрац. Он улегся на него, и, так как места на матраце еще осталось много, я не видел причины, почему бы и мне не сделать того же. Он заметил это и одобрил.

— Это благоразумно с вашей стороны. Отныне ваше тело перестанет отвлекать ваше внимание и вы будете лучше слушать меня.

Он лежал на спине, устремив взор в потолок и сложив длинные руки на выпяченном животе. Заговорил он торжественно и внушительно, словно обращаясь к большой аудитории. От времени до времени я прерывал его вопросом или замечанием, но не считаю нужным приводить эти свои вставные реплики:

— Чтобы уяснить себе условия жизни на Фуле в настоящее время, мы должны вернуться к великому социальному перевороту, происшедшему несколько веков тому назад. При помощи настойчивой агитации и при поддержке военной силы было достигнуто признание равенства всех людей и общности имущества. Общность имущества, в известном смысле, остается в силе и доныне, хотя теперь мы усвоили себе более цивилизованный взгляд на ценность собственности. Но уже через несколько лет после переворота выяснилось, что равенства между людьми быть не может. Редко бывает даже с внешней стороны, чтобы два человека были одинаковы, не говоря уже об одинаковости во всех отношениях. И

это скоро обнаружилось. С одной стороны было меньшинство, которое больше давало государству, чем получало от него; с другой — большинство, которое больше получало, чем давало. Меньшинство, естественно, не могло быть довольным этим, а здоровое недовольство проявляется активно. Большинство же было очень довольным таким положением вещей и славilo благодать истинно демократического режима. Оно успокоилось и было уверено, что социальная революция кончилась, тогда как она только начиналась.

Естественным результатом всего этого было возникновение тайного общества, объединившего почти всех представителей меньшинства. Не смешивайте этого меньшинства с аристократией былых времен — старая аристократия основывалась на знатности рода и богатстве. Та аристократия, о которой я говорю, основывалась на умственном превосходстве. В меньшинстве были люди, умевшие приобретать знания и пользоваться ими. В числе их было несколько представителей прежних правящих классов, но также и много выходцев из прежних, так называемых низов. Тайное общество поставило себе задачей не только приобретение знаний, но и создание монополии на знание. Члены общества клятвенно обязывались не посвящать в тайны общества никого из членов огромного, но бездеятельного большинства. Из этого тайного общества и вышли те, кого мы теперь именуем существами первого разряда, прожорливая же и ленивая демократия, составлявшая большинство, — источник происхождения существ второразрядных, которым ныне позволяют приобретать знания лишь постольку, поскольку это необходимо для выполнения работы, которую мы их заставляем делать. В настоящее время большая половина их не умеют читать и писать и они не могут произвести самого простого арифметического действия.

Разумеется, социальная революция никогда не развивается в точности по задуманному и намеченному плану — это азбучная истина. Тайное общество, известное под именем Крипта, образовалось первоначально в видах самозащиты. Единственное, чем немногие высшие существа могли защитить себя от натиска многих низших, было обладание

тайным знанием, Вот вам пример: важнейшие усовершенствования в деле накопления и передачи электрической энергии были сделаны членом Крипта H401. Ему предложено было разъяснить публично, чего именно он достиг. H401 представил письменный доклад, представлявший собой от начала до конца нелепый вздор, закутанный в пышную научную фразеологию. Этим удовлетворились, и доклад сдали в архив. Все электротехники — настолько знающие и образованные, что они могли бы раскрыть обман, — были уже членами Крипта. Это был первый шаг к завоеванию той грандиозной власти, которая ныне сосредоточена в руках сравнительно немногих человек. Самой легкой порчей машин они могли лишить огромное большинство света и тепла, хотя бы в зимнюю стужу. И многие другие научные тайны сосредоточились в руках членов Крипта. Не стану утомлять вас их перечислением: упомяну хотя бы о том, которое наглядно демонстрировал вам наш друг MZ04. Я говорю о способности распадаться на атомы и снова соединяться в цельный организм. Вы видели, как наш друг MZ04 рассеялся облачком дыма с тем, чтобы моментально перенестись в Контроль Освещения и Отопления, которым он заведует. С таким секретом один человек может победить несколько армий. Выяснив это, Крипт перешел в наступление.

В те времена над Криптом фактически владычествовал Q666, личность необычайная, память о которой вечно будет жить в нашей истории. Крупных научных услуг у него не было. Жизнь его была беспутная. Щепетильность и жалость были ему чужды; но зато он ясно видел, к чему должно стремиться и как достичь этого. По его настоянию, Общенациональное Собрание было объявлено распущенным, и всем существам второго разряда под страхом смерти предложено было повиноваться без возражений всем приказам, которые будут отданы Криптом.

Выпущенная нами прокламация была высмеяна большинством. Демократия всегда торжествовала и будет торжествовать. Надо заметить, что среди членов Крипта не было ни единого офицера или солдата. Дух армии был превосходен. В числе офицеров были и такие, которые принима-

ли всерьез свою профессию. Все были убеждены, что после нескольких дней гражданской войны Крипт вынужден будет признать себя побежденным.

Я уже говорил, что Q666 щепетильностью не отличался. Свою декларацию он выпустил посреди зимы, когда земля была окована льдом. На следующий же вечер всякий доступ света и тепла в жилища неприятелей был отрезан. В ту ночь замерзло несколько тысяч человек и еще столько же в следующие дни. Вода, которую они пили, была отравлена и вызывала смерть. Армия, при всей своей храбрости, не имела объекта для нападения, так быстро, благодаря вышеупомянутой своей способности, появлялись и исчезали члены Крипта. К тому времени, как демократия смирилась и подчинилась новой конституции, переводившей ее в низший разряд существ, она и численностью уже уступала существам первого разряда. Правила, установленные Q666, остаются в силе и до сего дня. Чувствительные люди в былые дни добивались упразднения казни. Q666 упразднил все виды наказаний, кроме этого. Лениость, после трех предупреждений, наказуется смертью. Умышленное неповиновение влечет за собою смерть без всяких предупреждений.

Я коротко и в общих чертах, без деталей, изложил вам историю борьбы Крипта с демократией, закончившуюся его победой и разделением людей на существа первого и второго разряда. Я показал вам, как попытка установить общее равенство и упразднить классовые различия привела к образованию двух классов, между которыми легла непроходимая пропасть — класса господ и класса слуг. Конец был именно такой, какого следовало ожидать. Я еще много мог бы поведать вам, но устал говорить. Хотите, я сведу вас посмотреть мои растения?

— У вас красивый сад?

— Садов у нас нет. Я держу растения у себя дома. Это мои любимцы. Не вызывая никаких эмоций, которые могли бы укорачивать жизнь, они возбуждают во мне теплый интерес и служат полезным отдыхом от более серьезных занятий. Следуйте за мной, и я покажу вам их.

Он поднялся с матраса, и я заметил, что его движения

были много легче и эластичнее, чем у моего бедного друга MZ04. Я прошел вслед за ним в комнатку, такую крохотную, что ее скорее можно было бы назвать шкафом. Она была ярко освещена электрическим светом. В ней стояло два высоких растения в кадках.

Листья у обоих были крупные, тропического типа. Ствол у каждого имел около трех футов вышины и увенчивался шаром, как будто сделанным из тонкого шелка. Цвет этого шара или цветка у одного был зеленовато-синий, как хвост павлина, у другого густо-черный. Я заметил, что, когда отворилась дверь, листья слегка зашевелились, и приписал это сквозному ветру.

— Растение с синей головой зовется Эдуардом, — сказал профессор. — Он очень ласковый. Смотрите.

Он дважды ласково окликнул Эдуарда, и тотчас же ствол растения нагнулся, и шелковистый синий шарик, словно ласкаясь, начал тереться о щеку моего хозяина. Почти тотчас же другое растение зашелестело листьями и принялось взволнованно раскачивать свою черную голову взад и вперед.

— Вы заметили? — сказал профессор. — Фредерик ревнует.

Он полил оба растения, и затем мы перешли обратно в спальню.

— В жизнь свою не видал ничего подобного, — сказал я. — У нас растения не могут двигаться по своей воле. Они...

— Наверное, вы ошибаетесь. Я не ботаник, но я изучал все стороны жизни в древнем мире, и думаю, что я не ошибусь, если скажу, что и в нем были ползучие растения, которые двигались, ища себя опоры, и такие, у которых листья от прикосновения свертывались, и даже такие, которые питались насекомыми. Наука может сделать с растениями почти все. Уже в старом мире появилось много новых разновидностей, иногда очень полезных — как, например, кактус без шипов. Мы только пошли немного дальше. Мы живем в одиночестве и при нашей одинокой жизни хоть какое-нибудь общество необходимо. Вы увидите, что у каждого существа первого разряда имеется одно или два таких рас-

тения-любимца.

— А кошек и собак вы не держите?

— Мы ничего не держим, что может причинить боль или же вызвать сильную привязанность. Кошки и собаки в обоих смыслах неудобны; поэтому мы упразднили их.

ГЛАВА IV

— Теперь, — сказал профессор, — настал час, когда мы в теплую, хорошую погоду греемся на солнце. Солнце — враг болезней и друг долговечности. Может быть, и вы желаете пойти со мной? Мы найдем многих, занятых тем же.

Мы вышли из дому и поднялись по спиральному наклону. Картина, представшая моим глазам, напоминала мне аналогичные сцены в общественных парках, в жаркую погоду. Там и сям, на траве или песке, виднелись простертые тела существ первого разряда. Но нигде не видать было, чтобы кто разговаривал, или читал, или хотя бы даже спал. Они просто лежали и грелись на солнце. Некоторые из них подстилали коврики. Одного, явно немощего, принесли на носилках четверо стройных мужчин, ходивших, как все люди, не на четвереньках.

— Это, — сказал профессор, — внук великого Q666.

— А кто же эти красивые люди, принесшие его?

— Всего только существа второго разряда, приставленные к этой работе. Не обращайтесь на них внимания. Они, конечно, не посмеют остаться здесь, при нас.

Четверо носильщиков осторожно опустили своего господина на мягкую траву и молча удалились. По моему подсчету, около двухсот существ первого разряда лежало без движения, наслаждаясь благодатным солнечным светом и теплом.

— Не воспользоваться ли нам, — сказал я, когда мы оба улеглись, — не воспользоваться ли нам этим случаем для того, чтобы продолжить нашу лекцию? Мне еще многое было бы любопытно знать.

— Что именно?

— Да вот, например, мне сказали, что существа первого разряда упразднили пол.

— Неужели мыслящее существо могут интересовать вопросы пола? Меня они нисколько не интересуют.

— А вот меня интересуют чрезвычайно, — рискнул ответить я.

— Что ж, хорошо, — сказал профессор. — Только отойдем подальше, чтобы своим разговором не нарушать размышлений остальных.

Я последовал за ним на место, выбранное им. Мы оба улеглись на спину в песок, и он продолжал свой рассказ.

— На практике упразднение пола происходило очень постепенно, и процесс этот затянулся на несколько столетий. Начало ему положил тот же великий социальный переворот, о котором я вам уже говорил. Объяснить, что все люди равны, значило признать равноправие полов. Но уже лет полтораста тому назад слова «мужчина» и «женщина» вышли из употребления у существ первого разряда, и половые различия перестали признаваться. Я полагаю, это все, что вы желали знать.

— Простите. Но это не объяснение.

— Да ведь это само собой понятно. Возьмем — ну, хоть, мужчину. Исследовав его, вы найдете в нем много физических и духовных факторов, присущих расе, и столько же, присущих индивидууму, причем индивидуальные свойства преобладают над расовыми. В самке-женщине мы найдем обратное. Расовые свойства значительно преобладают в ней над индивидуальными. Она — мученица и хранительница человечества. Так, по крайней мере, было до того великого социального переворота, о котором я уже упоминал. Когда женщины получили доступ ко всем профессиям, стали заниматься всякими делами и всяким спортом, очень скоро выработался новый тип женщины — высокой, плоскогрудой, узкобедрой, лишенной женственности. Короче говоря, мужской и женский тип начали ассимилироваться. Ассимиляция же полов убивает половое влечение. Всю энергию, которую женщины отдавали своему индивидуальному развитию, они похищали у расы. Браки стали редки и часто бездетны. Постепенно все признаки пола атрофировались, как зародышевые органы, и лет полтораста тому назад, как я уже вам говорил, все различия между мужчинами и женщинами были упразднены. С тех пор и даже лет за десять до того, не было ни одного случая брака, деторождения или уходаживания среди существ первого разряда. Пре-

дел цивилизации достигнут. Достижение блестящее.

— Вы думаете?

— Как вы можете в этом сомневаться? Теперь, когда бремя расовой ответственности спало с наших плеч, продолжительность нашей жизни устроилась, если не больше. Отчасти, конечно, это должно быть приписано росту наших знаний и тому факту, что мы не занимаемся никакими трудными или опасными работами. Выполнение таких работ поручено существам второго разряда. У них, разумеется, пол продолжает существовать. Ведь они — низшая раса. Они продолжают рождать детей. Когда у нас рабочих недостаточно, мы растим этих детей. Когда их становится слишком много, мы их уничтожаем. Разве вы никогда не думали о том, в какое затруднительное положение ставило мужчин и женщин обязательство продолжения рода, расовая ответственность? Женатый мужчина уже не мог жить, как неженатый; замужняя женщина, как незамужняя. Жизнь превращалась в цепь компромиссов и уступок. Все страшно усложнялось; необходимы были семьи, детские. Ясное дело: человек, работающий на шестерых, должен работать в шесть раз больше, чем он работал бы на себя одного. А усиленный труд вредит здоровью. Но, если усиленный труд опасен, то заботы убивают. А там, где существуют эмоциональные привязанности, заботы и огорчения неизбежны. А теперь — посмотрите, как у нас все упрощено. У каждого свой дом, и каждый работает только на себя. Страсти — игра, которая не стоит свеч, и цивилизованные люди спешат избавиться от них. Среди существ первого разряда, обитающих на Фуле, слезы так же мало известны, как и грубый, негигиеничный поцелуй. Муки застенчивости и стыда нам неведомы, ибо там, где нет различий между полами, нет и стыда. Мы освободились от этих пут. Любовь несет с собою смерть. Жизнь без любви долга. Шепну вам на ушко, что мы — накануне открытий, которые, быть может, позволят нам жить вечно.

— Ну, — сказал я, — ведь я не так устроен, как вы все, и вы не можете рассчитывать, чтобы мне нравилось то, что нравится вам.

— Я вообще не жду, чтобы человек старого мира мог оказаться цивилизованным. Это было бы неблагоприятно. Но что же вы можете возразить против такого положения вещей?

— Да прежде всего то, что, по-моему, вы должны жестоко скучать.

— Ничуть. Скука — результат слишком быстрого темпа жизни. Тот, кто слишком много работает или чересчур много веселится, в промежутках между работой или забавами может скучать. Но мы на опыте установили наиболее выгодный для человека темп жизни. Каждое из существ первого разряда имеет свое занятие, к которому оно было вначале подготовлено особым обучением, а теперь уже специально приспособлено, благодаря долгому опыту. Взять хоть бы Центральный Департамент. Он разделен на несколько контролей, и в каждом Контроле много секций. Наш друг MZ04, преподнесший мне вас, стоит, например, во главе Контроля Освещения и Отопления. В одном этом Контроле имеются сорок две секции, и каждая секция дает работу двум существам первого разряда. Мы не знаем любви, которая бы заставляла нас работать сверх меры или же отвлекала наше внимание от того, чем мы заняты. То, что мы умеем делать, мы делаем хорошо и при наиболее выгодных условиях для успеха дела, а развлечений у нас никаких нет. Как же мы можем скучать? Но я сказал достаточно. Дайте мне сосредоточиться.

— Я еще об одном хотел бы вас спросить.

— Как ваше имя или формула?

— Мое имя — Лемюэль Гулливер.

— Ну-с, Гулливер, мы — народ добрый и гостеприимный. В течение нескольких недель я продержу вас здесь, чтобы получить от вас, из первоисточника, сведения о различных сторонах жизни в старом мире. В течение часа или двух каждый день я буду ставить вам вопросы. Можете авансом сделать то же. Я вам отвечу еще на один вопрос.

— Вы, кажется, сказали, что общность имуществ на практике существует у вас и до сего дня?

— Да. Денег у нас не имеется. В зависимости от количе-

ства работы, выполняемой существом первого разряда, оно может требовать все, что нужно, из Центрального Департамента. Но чрезвычайно редко бывает, чтобы существо первого разряда вытребовало все, на что оно имеет право. Всех мудрее тот, кто ограничивается самым необходимым. Когда человек умирает, все чем он владел, возвращается Государству. Семья упразднена, и человеку не приходится копить имущество для блудных сыновей и ничего не стоящих дочерей. Мы излечились от любовного безумия, а в дружбу легче верить, когда знаешь, что дружба может быть только бескорыстной, ибо за нее нет награды.

— И все же я вам не завидую, — сказал я. — Не все чувства вы победили; за свое недолгое пребывание здесь я уже успел подметить два, которые продолжают жить, и как раз такие мне особенно ненавистны.

— Какие же это?

— Страх и зависть.

— Лежите смирно, — вы мешаете мне думать.

С полчаса он лежал смирно, с закрытыми глазами, но, я думаю, не спал. Затем неожиданно стал на четвереньки, объявив мне, что нам пора домой — принять пилюли и приготовиться к ночному отдыху.

— Я об одном хочу просить вас, — молвил я. — Эти пилюли, которыми вы питаетесь, чудесные пилюли, и я уже испытал на себе их благотворное действие. Но не думаю, чтоб я мог жить исключительно ими. Бремя довело ваш пищеварительный аппарат до такого совершенства, на которое я едва ли могу надеяться. Что вы можете сделать для меня?

— Наши рабочие, существа второго разряда, обыкновенно убивают быка, разрубая его на куски, подвергают их действию жара и затем съедают. Они готовят также напиток, очень для них привлекательный. Бывали даже случаи, что, под влиянием этого напитка, они оказывали неповиновение, а неповиновение, конечно, наказуется смертью. Мне совестно рекомендовать вам такую грязную диету, но ничего другого я придумать не могу. Впрочем, может быть, варвару, пришедшему из старого мира, она и придется по вкусу.

— Я уверен, что для меня она вполне подходит.

— В таком случае, я позабочусь, чтобы вам ежедневно присылали из Центрального Департамента такой же паек, какой у нас дают рабочим. Я переговорю с дежурным в Центральном Департаменте, чтобы вам сегодня же на ужин прислали кусок убитого животного. С одним условием — чтобы я не видел, как вы будете разрывать его зубами. Вы съедите его в своей комнате.

— Которая же комната будет моей?

— О, — небрежно бросил он, — я буду держать вас в шкафу вместе с моими двумя любимцами, растениями. Для вас положат там матрац.

Несколько минут спустя один из рабочих принес накрытый поднос, поставил его у дверей профессора и удалился.

— Ваша пища, — сказал профессор, — возьмите ее с собой в шкаф.

Я охотно сделал это. На подносе я нашел блюдо с отличным ростбифом, грубо сделанные нож и вилку и несколько плоских черствых сухарей, а также бутылку с крепким старым элем. Я отлично поужинал и, растянувшись на матраце, который только-только поместился в шкафу, решил так же отлично выспаться.

Но не тут-то было...

ГЛАВА V

Я провел отвратительную ночь. И не могу приписать этого малым размерам моей спальни, так как, все же, вытянуться я мог во всю длину, а воздух и в моем шкафу, благодаря чудесной системе вентиляции, был все время свежий. Сон мой был прерывист и полон сновидений, в которых фигурировали главным образом эти четвероногие о двух ногах. Чуть свет я поднялся и зажег электричество в надежде, что, если походить немного по своей келье или по коридору, это, может быть, опять нагонит сон — и при свете увидел странное зрелище. Шелковистые верхушки обоих растений все время медленно раскачивались взад и вперед. Листья поднимались и спускались. Почему-то они напомнили мне посаженного в клетку льва.

— Ах, вы, бедные! — сказал я громко.

Когда я, погасив свет, улегся снова на матрац, я почувствовал на своей щеке какое-то нежное прикосновение. Это терлось об нее одно из растений своей кудрявой головой. В первый момент я вздрогнул и схватился за нее рукой. Она была величиной в человеческий кулак. Я чувствовал, как все ее тысячи фибр вибрируют под моим прикосновением.

Утром мне снова принесли покрытый поднос, точно такой же, как и накануне. Бессонная ночь не вызывает желания выпить крепкого пива. Утром я попросил вместо этого у профессора перегнанной воды, воспользовавшись этим случаем, чтобы объяснить ему, как надо распределять мою пищу на будущее время, и попросить некоторых приспособлений для того, чтоб самому изготовить себе что-нибудь горячее. В последней просьбе он отказал, но обещал позаботиться о том, чтобы мою вечернюю порцию мне приносили горячей.

Я прожил у профессора пятнадцать дней. Ежедневно, в течение приблизительно часа, он подробно расспрашивал меня о том, как живут на моей родине— «в старом мире», как он выражался. Его знания и его невежество одинаково забавляли меня. Нарисует, например, современный извоз-

чий экипаж, и очень недурно, и уверяет, что такие экипажи были в употреблении в Риме, во время Юлия Цезаря. Вообще, даты и эпохи у него в голове все были перепутаны, и мне постоянно приходилось поправлять его. Все мои замечания и поправки он записывал карандашом.

— Вы пишете книгу по этому вопросу? — осведомился как-то я.

— Да. Это моя обязанность.

— Когда же она будет напечатана и выйдет в свет?

— После поражения демократии и разделения людей на существа первого и второго разряда, было принято весьма благоразумное решение: изломать все печатные станки и сжечь все книги, кроме тех экземпляров, преимущественно рукописных, которые были отобраны специальным комитетом для библиотеки Центрального Департамента. Мы не печатаем книг и не издаем их.

— Почему вы называете это благоразумным? По-моему, это безумие. Моя родина обязана широким распространением в ней образованности именно дешевой книге.

— Несомненно. Но вопрос в том, желательно ли и полезно ли такое широкое распространение образования — или того, что вы называете образованием. Нам казалось, что это все равно, что привести детей и идиотов в зверинец и, оставив их без всякого надзора, дать им ключи от клеток. Мы уважаем литературу. Мы считаем бесчестным для литературы, если книга дешева и легко доступна всякому. У нас существу первого разряда дороже обходится прочесть одну рукопись из библиотеки Центрального департамента, чем у вас — подписаться на целый год на дневник царя Гороха.

Я заверил его, что такого царя, в действительности, никогда не было, и я не понимаю, откуда он взял, что этот царь издавал журнал. Он принял эту поправку, как и все мои поправки, с большим неудовольствием.

— Мне думается, — продолжал он, — что образование вы понимаете слишком узко. Я бы сказал, что и у нас все существа второго разряда, в известном смысле, образованы. Все они обучены и выдрессированы специально для дела, которое им надо делать. У нас имеется, например, группа

рабочников, прекрасно ознакомленных с обычными приемами огородничества и садоводства. Они умеют копать ямки, сажать растения, окапывать их, подрезать и подчищать. Те знания, которые им для этого необходимы, они имеют. Но в те разнообразнейшие изменения, которые вносит в привитый черенок введение внутрь его различных химических составов, они, конечно, не посвящены. Это — уже отрасль знания, к которой имеют доступ лишь существа первого разряда. А этих — этих учат ткать и изготавливать одежды, которые мы носим, чистить, убирать наши дома наиболее быстрым, бесшумным и рациональным способом. Короче говоря, их учат всему, поскольку это доступно их разуму и степени развития. Но дальше этого мы не идем. Мы не даем им знаний, которые были бы опасны и для них, и для нас. Когда вы возвратитесь домой, мой друг, — если когда-нибудь вы возвратитесь, — постарайтесь убедить ваш бедный, невежественный народ в неравенстве людей и в том, что много выгоднее все действительно ценные знания сделать монополией лишь умов высшего порядка.

Однажды, когда мы болтали с ним о том, о сем, он случайно в разговоре упомянул о том, что сегодня он говорил с Центральным Департаментом и узнал, что MZ04 умер сегодня утром.

— Мне грустно это слышать, — молвил я. — В конце концов, все же он был добр ко мне — накормил меня и одел. А когда похороны?

— Похороны? У нас не хоронят мертвых. Тело MZ04 давным-давно уже брошено в мусоросжигательную печь. Смерть его — всенародное признание в своей непригодности для жизни, в том, что у вас в организме было не все ладно, и простая учтивость требует, чтобы мы, по возможности, не замечали ее.

— Кто же займет его место?

— Это, вероятно, уже решено во Внутреннем Департаменте.

— А вы сами — на это не рассчитывали?

— Нимало. Я имею полное основание рассчитывать со временем занять, кроме моего настоящего поста, еще дру-

гой — и очень ответственный — во Внутреннем Департаменте. Если я до сих пор остаюсь скромным профессором, то лишь потому, что меня не умеют оценить, и боюсь, что это объясняется некоторой узостью ума у тех существ первого разряда, от которых это зависит. Но заслуга возьмет свое — я в этом уверен.

Хваленая цивилизация Фулы, во всяком случае, не искоренила в людях тщеславия и суетности. Профессор был тщеславен до невероятия. На саму лесть он с жадностью набрасывался. Его натура была очень любопытна и слишком сложна для того, чтобы в ней разобраться простому человеку вроде меня. Несмотря на его небрежное, как будто, бы отношение к смерти, я убежден, что он до смерти боялся ее и жил в постоянном страхе. Несмотря на то, что все известные ему формы религии он называл праздною выдумкой и суеверием и проповедовал полнейший материализм, я далеко не убежден, что он совсем не верил в загробную жизнь. Нервы у него были не из крепких. Нередко среди ночи он стучался в дверь шкафа, служившего мне спальней, прося меня выйти и немного посидеть с ним. Он всегда находил какой-нибудь предлог, но я чувствовал, что это только предлог, что на самом деле он тоскует в одиночестве — как должны были тосковать и все эти пресловутые существа первого разряда. Как уже предупредил меня профессор, развлечений у них не было. Собраний тоже. Изредка друзья носили один другому краткие официальные визиты, но — и только. Когда они выходили из дома для моциона или погреться на солнышке, они обыкновенно проходили один мимо другого, делая вид, будто не замечают его.

Из-за меня одно время число посетителей в доме профессора очень увеличилось. Приходили посмотреть на меня, и мой хозяин представлял меня гостям, преподнося им нечто вроде лекции обо мне в выражениях, довольно для меня унижительных.

— Обратите внимание, — говорил он, — на малые до смешного размеры черепа, на короткие и слабые передние конечности. По этим признакам его почти можно принять за одно из наших существ второго разряда. Но, по всей вероят-

ности, он представляет собой тип, стоящий на еще более низком уровне. Кожа у него бледнее, чем у них, от недостатка пигментации, и все тело меньше, чем у хорошо развитого самца второго разряда. Из рассказов его я убедился, что в стране, откуда он пришел, люди не пользуются опытом и не придают ему цены. Новорожденный ребенок, естественно, и в этом старом мире принимает наиболее безопасное положение — становится на четвереньки и пользуется одинаково всеми четырьмя конечностями. Но то существо, которое мы видим перед собою, уже взрослое, ничего не умеет делать пальцами ног и на четвереньках ему неудобно. Тело его настолько изуродовано, что ему даже нелегко принять нормальное положение.

Дойдя до этого места в своей лекции, он продолжал уже на языке мне непонятном, на котором существа первого разряда говорили между собою, когда не хотели, чтоб их понимали те, кого они считали ниже себя. При существах второго разряда они говорили всегда на этом языке, а между собой и при мне по-английски, — за исключением тех случаев, когда хотели скрыть что-нибудь от меня.

Я начинал возмущаться против той жизни, которую меня заставляли вести. Мне неприятно было, что меня показывают, как какую-нибудь диковинку. Я тосковал среди этого однообразия. Ужасающие фамильярности, которые позволяли себе оба растения, с которыми я делил спальню, действовали мне на нервы. Я намекнул профессору, что мне нужна какая-нибудь перемена и больше свободы, — иначе источник его сведений скоро иссякнет.

— Если вы станете бесполезны для меня, — небрежно уронил он, — вас, разумеется, убьют. И тело ваше бросят в истребитель отбросов.

— Очень может быть, — сказал я. — Но тогда и вы не получите тех сведений, которые вам желательно иметь. А я знаю, они вам нужны.

Это был мой главный козырь. Ему, действительно, нужно было вытянуть из меня как можно больше сведений о том, что он называл древним миром. Взамен этого он готов был на всякие уступки, и я играл наверняка. Я сказал

ему, что мне хотелось бы осмотреть остров, побывать на противоположном берегу его, поглядеть, как живут существа второго разряда и как они работают. Вначале он меня отговаривал, ссылаясь на то, что остров имеет в ширину «не меньше восьми миль» — и неужели у меня хватит сил пройти такое расстояние? Он зловещими красками описывал опасность гор, через которые мне придется перебраться, и лесов, которые я найду на противоположной стороне. Но я настаивал и, наконец, добился разрешения попутешествовать, с условием, что я вернусь через десять дней и по пути не буду разговаривать ни с одним существом второго разряда — чтобы как-нибудь, по неосторожности, не выдать ему какого-нибудь важного сведения. Обещание я дал охотно, но, сознаюсь, без намерения сдержать его. Профессор дал мне еще несколько наставлений и пропуск, написанный чернильным карандашом, — по его словам, дававший мне право на покровительство и помощь всех существ первого разряда, с которыми мне доведется встретиться.

Таким образом, в ясное солнечное утро, я пустился в путь, взяв с собой не более вещей, чем я мог без труда унести на собственной спине. Меня манило вдаль, тешила мысль о приключениях. В первый раз за много дней я был оживлен и в хорошем настроении.

ГЛАВА VI

Профессор судил очень приблизительно, говоря, что остров в ширину имеет «не меньше восьми миль». До заката солнца я прошел миль тридцать, если не больше, и расположился на ночь на берегу узкой, но быстрой речки. Перед мной еще рисовалась низкая гряда холмов, которые профессор называл «горами». В такой плоской стране, как Фула, и холм сойдет за гору.

Постоянные ошибки профессора в исчислении времени и расстояний очень занимали меня. Я понимал, что это делало его непригодным ни для какой практической работы в Центральном Департаменте и, по всей вероятности, помешает ему занять и тот пост во Внутреннем, на который он метит. Возможно, что, когда человек усиленно развивается в одном направлении, это непременно должно отзывать какими-нибудь недостатками в другой области. Профессор сам это сознавал и всячески старался скрыть свое неумение определять время, как машинист старался бы скрыть свою неспособность различать одну краску от другой. Но ведь такие ошибки в определении времени относительно событий прошлого не редкость и у нас. Как часто, например, человек относит тот или другой факт к шестнадцатому или семнадцатому веку, а на самом деле он имел место в восемнадцатом. И, чем дальше мы уходим в область прошлого, тем больше даты расплываются для нас. Нам трудно представить себе, что разница во времени между десятым и одиннадцатым веком — ровно сотня таких самых лет, из которых складывается наша жизнь. Когда речь шла о настоящем, профессор довольно точно обозначал время. Он никогда не забывал, например, часа, когда ему нужно принять свои пилюли, или посидеть на солнышке. Карманных часов в Фуле не водилось, но стенные были в каждой комнате, и все они заводились и проверялись при помощи электричества из Центрального Департамента.

Сколько я ни просил профессора, он не хотел сказать мне, где находятся департаменты Центральный, Внешних

и Внутренних дел. Сперва я думал, что они помещаются там, где я в первый день моего пребывания на острове видел столб дыма, но потом я видел много таких же столбов дыма и объяснял их тем, что в этих местах под землею находятся фабрики. Но в этот первый день пути я видел многое, заинтересовавшее меня. Видел длинный ряд полей, на которых работала целая армия существ второго разряда. Все поля были нумерованные, и на каждом орудовал отдельный отряд под начальством одного существа первого разряда. Такой смотритель обыкновенно лежал, греясь на солнышке, и в одной руке, вынутой из сапога и одетой в резиновую перчатку, держал толстую палку фута в три длины, как мне показалось, сделанную из алюминия. Его живые, бегающие глаза зорко следили за всем, что творилось на поле; по временам он отдавал приказы отдельным работникам. Приказы эти мгновенно выполнялись. На каждом поле смотритель работ встречал меня громким окриком: «Кто вы такой?» Я отвечал, как учил меня профессор, и показывал мой паспорт. И меня пропускали, не задерживая. Даже, можно сказать, были со мной любезны. Один из таких надзирателей велел принести мне воды напиться. Другой, удивленный тем, что я прошел такое огромное для него расстояние, предложил дать мне четырех рабочих с носилками и очень удивился, когда я сказал, что предпочитаю идти пешком. На многих полях хлеб созрел для жатвы — сорта хлебов были те же, что и у нас — овес, ячмень, пшеница — но колосья много больше и тяжелее, а стебли совсем крохотные, не больше десяти дюймов от земли.

За этими возделанными полями тянулась слегка волнистая равнина, вроде наших обыкновенных выгонов. Она вся заросла папоротниками, высокими, по пояс мне, а местами мне приходилось прямо-таки пробираться сквозь заросли дрока и терновника. Эта часть острова показалась мне совсем заброшенной и, не имея кого спросить дорогу, я руководился солнцем. Пройдя несколько миль, я набрел на небольшую группу вязов и улегся в тени, чтобы поесть и отдохнуть.

Сквозь сон я ощутил мягкое прикосновение к моему плечу и, открыв глаза, увидел перед собою одно из существ первого разряда. Должно быть, это был также надзиратель или смотритель, так как из просторного сапога его торчала алюминиевая палка.

— Кто вы такой? — спросил он.

Я показал ему свой пропуск. Он, по-видимому, удовлетворился этим.

— Продолжайте ваш путь немедленно и сверните вправо — здесь вам грозит опасность.

Я не мог определить, какая именно, но счел за лучшее принять его совет. Когда он отошел от меня, я снова увязал свой узелок, взвалил его на спину и почти тотчас же увидел, какая опасность мне грозила. Из котловины, до сих пор скрывавшей его, вышло стадо коров огромнейших размеров. Вожак их, белый бык колоссальной величины, почуял или увидел меня и тотчас же кинулся ко мне. Единственное, что я мог сделать, чтобы спастись — это схватиться за низко нависшую ветку и влезть на дерево. Но и влезая, я соображал, сколько времени мне придется просидеть здесь и что станет с надзирателем, предупреждавшим меня об опасности: он ведь ушел не дальше отсюда, как на сто ярдов. Бык несколько раз обежал вокруг дерева, то роя рогами землю, то яростно ударяя ими о ствол вяза. Со своего наблюдательного пункта я видел, что смотритель остановился. Он вынул одну руку из сапога и вытащил алюминиевую палку. В это мгновение бык завидел его и бросился на него. Остальное стадо стало, как вкопанное, в ожидании.

Когда между быком и человеком осталось расстояние всего каких-нибудь двадцати шагов, смотритель поднял руку и ткнул палкой по направлению к животному. Сверкнула молния, раздался громкий треск, и бык грохнулся оземь мертвый. Перепуганное стадо повернуло и вскачь кинулось врассыпную. Не сказав мне ни слова, смотритель вложил палку обратно в сапог и пошел своей дорогой.

Теперь я понял, каким образом одно существо первого разряда ухитрялось держать в повиновении десятка три рабочих низшего порядка, беспрекословно выполнявших

все его приказы. И, хотя я был очень благодарен этому надсмотрщику, все же его сородичи вызывали во мне больше удивления, чем восторга. Очень уж они были эгоистические и бесплодные. А способ их передвижения слишком живо мне напоминал все, виденное мною в «домишке обезьян» в Риджент-парке. На наш взгляд, физически они были гораздо ниже тех, кого они называли существами низшего порядка. Эти, по крайней мере, те экземпляры, каких мне доводилось видеть, были все рослые, статные, молодцы на подбор. Кожа у них была темнее, чем у европейцев, красновато-коричневого цвета. Лица красивые, но унылые и мрачные. Мне они были ближе, чем эти четвероногие с непомерно развитою головой и смертоносной палочкой, торчащей из сапога. Но до сих пор мне еще не случалось разговаривать ни с одним из существ второго разряда. Когда я шел мимо возделанных полей, все время за мною следили надзиратели, и было бы неблагоприятно открыто нарушить предписание профессора.

Я больше не видел ни двуногих, ни четвероногих, пока не переправился через речку, на берегу которой я расположился на ночлег. Но меня предупредили, что за рекой и за холмами будет лес, а за лесом море и жилища существ второго разряда.

Вытянувшись на захваченном с собою коврике, я услышал неподалеку под собой какой-то странный гул и сразу догадался, что это прошел подземный поезд, доставлявший рабочих обратно в их жилища. Дело обычное — по крайней мере, в Лондоне, но здесь, в этой обстановке, довольно странное. Я не ожидал, чтоб здесь, на острове, были железная дороги.

Спал я хорошо, как всегда на воздухе в теплую ночь, и утром, освежившись купаньем в реке, пошел дальше, к холмам.

ГЛАВА VII

Воздух был чист, прозрачен, и я залюбовался красивым видом, открывавшимся с вершины. У подножья холмов тянулся лес на расстоянии пяти-шести миль. За лесом раскинулось синее море, а на берегу виднелся не то городок, не то деревушка, совсем похожая на наши английские. Это были первые надземные постройки, виденные мною в Фуле — они-то и служили жилищами существам второго разряда.

Отношение высшего класса к низшему приводило меня в недоумение. Число рабочих было строго ограничено, и это соблюдалось беспощадно. Нежелательных детей уничтожали так же бесцеремонно, как мы топим лишних котят, причем мальчиков оставляли больше, чем девочек. За каждое, хотя бы самое пустячное, ослушание наказывали смертью; даже небрежность и неумелость в исполнении своих обязанностей, после должного предупреждения, влекли за собой то же наказание. Но рабочие, которых мне до сих пор доводилось видеть — все мужчины — видимо, не терпели ни в чем нужды, и обращались с ними хорошо. Никаких признаков переутомления, или недоедания, или болезненности я в них не замечал. Все это были молодцы на подбор, рослые, статные, прекрасно упитанные, видимо, жившие в хороших условиях. Ни один из них даже и не пытался стать на четвереньки. Они ходили на двух ногах, как все люди, держались прямо и физически были значительно выше своих господ. Без сомнения, эти последние рассуждали с точки зрения пользы и обставляли своих рабочих так, чтоб обеспечить себе наибольшее количество наилучшего качества работы.

Одежда рабочих была из той же толстой шерстяной материи, как и одежда их господ, но другого цвета — красно-коричневого. Становясь на работу в поле, мужчины сбрасывали с себя верхнее платье. Не забудьте, что, в первый же день моего прибытия на остров, покойный MZ04 доставил мне серое платье, такое же, какое носят существа перво-

го разряда. Таким образом, я представлял собою диковинку для всякого, встречавшегося со мной. Я шел на двух ногах, — следовательно, не принадлежал к существам первого разряда. Но платье на мне было серое, и рукава его укорочены, соответственно моим рукам, — так что и на существо второго разряда я не походил. Да и ростом я, признаться, был значительно ниже их, так что и это сразу выделяло меня.

Стоя на гребне холма, я обдумывал план действий. Я твердо решил, как только представится случай, бежать с этого острова. В таком большом лесу можно без труда скрываться несколько недель, и я сомневаюсь, чтобы даже профессор, при всех своих знаниях и хитрости, сумел меня найти там. А тем временем я постараюсь приобрести друзей среди рабочих. Ведь они живут на берегу морском — наверное, у них есть лодки для собственного употребления, — значит, они могут помочь мне улизнуть.

В моем распоряжении был целый день, и я начал с осмотра леса, намереваясь спуститься в прибрежную деревню позже, когда рабочие на ночь вернуться домой.

Я шел по течению ручья, сбегавшего с холма. Ветра не было, и, если не считать журчания ручейка и птичьего щебета, в лесу царила тишина. Местами ручей расширялся, образуя большие темные пруды, где, по-моему, наверное, должна была водиться форель. Неожиданно я услышал внизу под собой громкое плесканье. Деревья и мелкий кустарник росли здесь так густо, что вперед я видел всего шага на два. Я пошел дальше вдоль ручья, стараясь ступать осторожно, чтоб меня не услышали. Ведь я не знал, какие опасности могли ожидать меня внизу.

Но вот и пруд, откуда доносились всплески. Заглянув через кусты, я увидел сидевшую в унылой позе на краю пруда красавицу-женщину. Несмотря на то, что она только что выкупалась и мокрые темные волосы ее липли к смуглым плечам — мокрые волосы никогда не бывают женщине к лицу — все же она поразила меня своей красотой. Смуглые плечи крутились над тяжелыми складками одежды, наброшенной ею на себя после купанья. Цвет одежды был

красно-коричневый, установленный для существ второго разряда. Мне и раньше говорили, что женщины у них носят одежду, состоящую лишь из одного куска материи, вроде пледа, который они драпируют на себе. Когда я вышел на свет, красавица вздрогнула и громко вскрикнула.

— Не бойтесь, — сказал я. — Я не обижу вас. Не причиню вам никакого зла.

Она взглядела в меня внимательнее и как будто успокоилась.

— А я было подумала, что это один из богов пришел за мной.

— Каких богов?

— Богов, которые ходят на четвереньках и с которыми человек ничего не может поделать. Твое платье такого же цвета, как у них.

— Да, но я не бог: я самый обыкновенный человек — потерпевший крушение моряк, выброшенный морем на этот остров несколько недель тому назад и теперь мечтающий снова удрать отсюда.

— Отсюда не уйдешь, — печально заметила она. — Боги все видят и все знают.

— Разрешите мне спуститься к вам и побеседовать с вами.

— Спускайся. Я больше не боюсь тебя.

— Что вы тут делаете? — спросил я, усаживаясь рядом с нею.

— Спасаясь от смерти. Боги повелели, чтоб я умерла на закате дня, семь дней тому назад, А я убежала и прячусь здесь. Но от них ведь не уйдешь. Рано ли, поздно ли, они найдут меня. От них не скроешься, ведь не видишь, когда они уходят и приходят. И ничего не слышишь, — а вдруг перед тобой очутится один из богов, ткнет в тебя палочкой, и ты умрешь. Как же спрятаться от тех, кто приближается невидимо?

— Неужели никому и никогда не удалось ускользнуть от их?

— Несколько лет тому назад вот такая же девушка, как я, убежала и спряталась в лесу; целых три летних месяца

она жила здесь. А потом я же нашла ее мертвой. Одежда ее на груди была обожжена молнией богов, и сердце выжжено в груди. Но все равно: зимой она погибла бы от холода и голода. Я люблю жизнь. И мне хочется оттянуть смерть хоть на несколько дней, хоть на несколько часов. И, все равно, у меня нет надежды.

— Скажите мне, как ваше имя?

— Для богов у меня нет имени. На работе на меня надевают номер: каждый день разные номера. Среди своих меня зовут Дрим*.

— Что же вы сделали, что навлекли на себя гнев своих владык? За что они обрекли вас на смерть?

— Семь дней тому назад меня посадили за ткацкий станок. К закату солнца я должна была выполнить урок. Работа эта нетрудная — женщинам никогда не дают трудной работы — и урок небольшой, но все-таки, что велено сделать, то должно быть сделано. А тут как раз только что стали ясные, жаркие дни: лес манил меня. Это было сильнее меня. В полдень, когда мы пошли обедать, я ускользнула в лес, гуляла, бегала, выкупалась в пруду и прямо-таки не в состоянии была вернуться к кроснам. А потом уж не посмела вернуться, так как ослушники умирают тут же на месте. Такова воля богов, и не в нашей власти изменить ее.

— Слушай, — сказал я. — Те, кого ты зовешь богами, не боги. Они — потомки таких же самых женщин и мужчин, как вы, живших много лет тому назад. И они не всемогущи. Я сам намерен ускользнуть от них. Несколько поколений рабства сломили дух ваш, но в той стране, откуда я пришел, нет рабов. Я убегу отсюда и возьму тебя с собой.

— Ты добрый. Я сделаю все, как ты скажешь. Но куда же можно убежать отсюда?

— В городе на берегу я, надеюсь, найду лодку.

Ее темные, блестящие глаза широко раскрылись от удивления.

— Лодку? Что такое лодка?

---

*Dream — сон, мечта (Прим. перев.).

Ее неведение не было притворным. Очевидно, строить лодки так давно было запрещено им существами первого разряда, что и сама память о них вывелась среди рабочих. Море внушало им только страх. Это была серая, жидкая стена их пожизненной тюрьмы. Само прикосновение к нему грозило смертью. Они купались в лесных прудах, но в море — никогда. И рыбу ели только ту, которая водится в пресной воде. О море их владыки насаждали им кучу всяких небылиц.

— Дрим, — сказал я, — я одного не понимаю. Вы живете в вечном страхе перед теми, кого вы неправильно зовете богами. Обращаются с вами недурно, но вы не свободны. Вы рабы. Почему же тогда жизнь тебе так дорога, что ты стремишься удлинить ее хоть на несколько часов?

Она опустила босую ножку в воду, задумчиво водя ею вправо и влево.

— Ведь в жизни есть — любовь, — выговорила она задумчиво.

ГЛАВА VIII

— Что ты знаешь, что можешь ты знать о любви?!

Она пожалала красивыми смуглыми плечиками.

— Почти что ничего — кроме низшего сорта любви, — любви к детям...

— К родителям, — подсказал я.

— Нет, — решительно сказала женщина. — Нельзя любить тех, кого не знаешь.

— Как не знаешь? Как же можно не знать своих родителей?

— А откуда же мне знать их? Ребенок остается у родителей иной раз два — иной раз три года — не больше, — как позволят боги. А потом боги отбирают его у родителей и воспитывают сами. Таков закон.

— А те женщины, у которых отбирают детей — как они к этому относятся?

— Иные так печалются, что уходят в лес, вкушают ночную тень и умирают. Но чаще бывает так, что поплачут-поплачут, а там и забудут. Что пользы грустить или сердиться? Таков закон и изменить его нельзя. Боги ведь очень следят за детьми.

— В каком смысле следят?

— Если ребенок слабый, болезненный или уродец, его сейчас же убивают. Если его нельзя научить никакой работе, его тоже убивают. Остаются только сильные, здоровые, но с ними обращаются хорошо. Первые годы они работают очень немного, кормят их хорошо; они здоровы и счастливы.

Я вспомнил ряды великолепно сложенных мужчин, которых я видел работающими на полях, посмотрел на сильную, стройную красавицу-девушку, сидевшую рядом со мной, — жестокие методы воспитания владык этого острова достигли, по крайней мере, одной цели — высокой степени физического совершенства расы.

— Скажи мне, — молвил я, — и браки между вами тоже устраивают боги?

Она опять вскинула на меня искренне удивленные глаза.

— А что такое браки? — спросила она с таким же недоумением, как давеча спрашивала, что такое лодка.

Я описал ей обряд венчания, как он происходит у нас. Она очень удивилась.

— Но зачем же? — допытывалась она. — Зачем столько хлопот из-за такого пустяка? Если мужчина любит женщину, и женщина любит мужчину, о чем тут еще разговаривать? Чего тут записывать в книжку и созывать народ на пир?

— Послушай, — сказал я, — ты безнравственная язычница.

— И эти твои слова мне непонятны. Скажи мне, что они означают.

Но я не стал ей объяснять. Меня поражала изумительная, почти библейская простота ее речей. Какая-то религиозная торжественность была в них, хотя Дрим не знала никакой религии и не могла бы читать Библию, если б дать ей эту книгу.

— Значит, если у вас мужчина и женщина любят друг друга, они просто сходятся и живут вместе до конца жизни?

Дрим зевнула. Ей наскучили мои вопросы.

— Как странно! Ты спрашиваешь о вещах, которые все знают. И так смешно спрашивать. Разумеется, люди, которые любят друг друга, живут вместе. Разве это нехорошо?

Я не знал, что ей сказать. Она была невинна, как Ева до грехопадения. В конце концов, быть может, те понятия о добре и зле, которые так привились у нас, и не следует навязывать каждому народу и каждой ступени цивилизации. Мне не хотелось ни судить, ни проповедовать. Я переменил разговор.

— Сегодня вечером, Дрим, сведи меня в ваш город, где вы все живете. Я спасу тебя и увезу тебя с этого острова. Но для этого мне надо построить лодку или большой плот. Один, без посторонней помощи, я этого сделать не могу.

— Если хочешь, я сведу тебя, но, если я это сделаю, я тотчас умру. Каждый день и каждую ночь боги дозором об-

ходят город. Всем известно, что я бросила работу и убежала в лес и что за это я должна умереть. Боги сказали, что я умру, а уж они, как скажут, так и будет. Первый из них, кто увидит меня в городе, укажет на меня своей палочкой, и я упаду мертвой. Еще никто не ускользал от них, и умереть мне все равно придется, так что, если это доставит тебе удовольствие, я могу свести тебя в город.

Об этом, конечно, я не хотел и слышать. Раз я хочу спасти ее, не стану же сам толкать ее на смерть. Но все же я спросил ее, каким образом боги, дозором обходящие город, — очевидно, нечто вроде полицейского обхода, — могут узнать ее.

— По портрету. У них есть портреты каждого и каждой из нас. Мои портреты теперь развешаны по всему городу.

— Понимаю. В таком случае, если я и пойду в город, я пойду один. Как ты думаешь, грозит мне там какая-нибудь опасность?

— Никакой. На тебе серое платье. Правда, ты ходишь не как боги, и руки у тебя короткие, как у меня. Но сами-то боги не тронут тебя, не обидят.

— Нет. У меня есть бумага, которую я им показываю и в которой сказано, чтоб они меня не обижали.

— Не обижали? Боги никого не обижают. Они убивают, когда это необходимо, но они никого не обижают. Если человек родился с искривленной спиной, или заболел, или зажился на свете слишком долго, или ослушался приказа, вот как я, разумеется, он должен умереть. Таков закон. Боги сами рассказывали нам, что в старые времена наших предков били, или запирали в темницы, или отбирали у них имущество. Это называлось наказанием. Мы ничего этого не знаем. У нас есть кров и пища, тепло и свет, есть время для работы и время для игры. Нас никто не наказывает. Поэтому-то долг и велит нам любить наших богов.

— Кто тебя научил так говорить?

— Они сами научили. Это первое, чему учат детей. Но, однако, мне надоело сидеть здесь и рассказывать тебе вещи, которые всякий знает. Хочешь, пойдем со мною через лес туда, вниз, к берегу, где пещеры? Я там и ночую.

Я согласился. Она встала и задрапировала на себе свой плащ. Когда мы пошли рядом, я спросил у нее, как она не боится ночевать в пещерах. Ведь если боги разыскивают ее, они, конечно, первым делом пойдут туда.

— Нет, — возразила она. — Не пойдут. Ни один бог не заглядывает туда с тех пор, как с моря вышло чудовище и поселилось там в пещерах.

— Какое чудовище?

— Откуда же мне это знать? Это было более пятидесяти лет тому назад, а из нас никто не доживает до пятидесяти лет. Но наши об этом рассказывают так. Существо, вышедшее из моря, было похоже на змею, но больше, чем бывают змеи. Тот, кто заглядывал ему в глаза, умирал от страха. Умерли двое богов. После того оно уползло в пещеры, и больше уж никто не видал его. Должно быть, оно и сейчас там живет и чего-то дожидается. Но ведь оно далеко, в глубине пещер, куда я не хожу. Если я услышу, что оно ползет, я сейчас проснусь — у меня сон чуткий — и убегу, так что оно не схватит меня. Если б я могла все время жить в пещерах, мне нечего было бы бояться богов, но надо же видеть солнце, и купаться, и есть тоже надо. Не правда ли?

Я кивнул головой.

— Но как же ты не боишься ходить в лес? Ведь в лесу ты все время в опасности.

— Только в тихие дни. Когда дует ветер, никто из богов не заходит в лес. Почему, я не знаю, но это так — все это знают.

Мне было ясно, почему. Я знал, как они боятся, как бы на них что-нибудь не свалилось. Сверхцивилизация издергала их нервы, сделала их трусливыми и вялыми. У них не было оснований бояться разъяренного быка, так как в любой момент они могли уложить быка на месте. Им нечего было бояться кроткой расы, которую они приручили и умышленно держали в невежестве, чтоб она усердней служила им. Но с дерева могла свалиться ветка; в пещере могло появиться привидение. Мне становились ненавистны эти существа первого разряда, как они себя называли.

Теперь Дрим засыпала меня вопросами о стране, откуда

я приехал, и все, что я ей говорил, она критиковала со своей, варварской точки зрения. Например, она возмущалась, что у нас есть больницы, и всякую заботу о больных считала нечестивой. Если чинить и штопать всех больных и слабых, давать им возможность жить несколько дольше, чем они так бы прожили, так ведь у них же могут быть дети, тоже слабые, болезненные, с которыми тоже будет куча хлопот. Это мы видим на животных, которых мы воспитываем, и растениях. А с людьми разве не так бывает?

Я должен был признать, что и с людьми бывает то же. Но поставил ей на вид, что на моей родине ценят не одно только физическое превосходство.

— Это я уже заметила, — сказала она с откровенностью, почти смутившей меня. — А женщины у вас — красивы?

— Некоторые очень красивы. Но, боюсь, есть и вовсе некрасивые.

— Так зачем же их оставляют жить? Ведь это, должно быть, очень неприятно смотреть на некрасивых. А есть у вас женщины красивее меня?

— Нет, Дрим, такой красавицы, как ты, я никогда не видел.

— Скажи это еще раз. Это звучит так приятно.

Но я не повторил этого. Я чувствовал на себе известную ответственность по отношению к этому прекрасному, несовершенному первобытному созданию. Мне казалось, что долг мой, — прежде всего очистить ее ум от суеверий, внушенных ей этой кучкой ученых и высоко интеллигентных, но уродливых людей, которых ее научили считать богами.

— Если твои повелители — боги, как ты говоришь, почему же они не убьют морское чудовище, которое живет в пещерах?

— Двое из них пошли убить его, но посмотрели ему в глаза, и такой страх напал на них, что они умерли со страха. И тогда они увидали, что это существо очень злое и, так как они мудрые — они оставили его в покое.

— Какие же они, однако, слабые и жалкие, если их так легко напугать до смерти. У меня на родине люди верят только в бессмертных богов. А здесь у вас ваши боги умирают,

как и все прочие люди. Давно ли я здесь, а уж на моей памяти умер один — тот самый, который нашел меня на берегу, и тело его сожжено.

— Да, тело. А сам он продолжает жить. Боги научили меня этому, когда я была еще ребенком, и это нехорошо с твоей стороны, что ты хочешь заставить меня думать иначе.

Удивительно крепко сидят в человеке впечатления, лучешшие им в детстве! Я, конечно, наблюдал это и раньше, чем попал на Фулу. И мог ли я один бороться с этой сложной и упроченной организацией рабства, которую так слепо приняли на веру и сжились с нею сами рабы? Я перевел речь на другое — на ее страх перед морем.

— Ты хорошо плаваешь? — спросил я.

Дрим засмеялась.

— Я плаваю так же, как хожу или бегаю. Разве это трудней, чем бегать? Какие странные ты задаешь вопросы!

— Отлично — тогда мы с тобою поплаваем в море.

— Нет. Морская вода нехорошая. Если пить эту воду, — умрешь. Разве не так?

— Так-то так, но...

— Ну, так зачем же ты советуешь мне плавать в море? Нас учат и не дотрагиваться до морской воды. Ты вот сам говоришь так, как будто ты тоже бог, и хвастаешь своей свободой, и говоришь, что ты приехал из далекой страны, — но ведь и сам ты не посмеешь войти в море.

Теперь настал мой черед смеяться.

— Я сегодня же вечером пойду и выкупаюсь в море. И плавать буду. Вот увидишь.

— Молю тебя: не делай этого.

— Почему? Это мне не повредит.

— Ты, наверное, умрешь.

— И не подумаю.

— Это было бы жаль, если бы ты умер, потому что мне, может быть, удастся еще на несколько дней оттянуть свой конец, м я, может быть, полюблю тебя.

Мы были уже у входа в пещеры.

ГЛАВА IX

Боковая стена утеса из темного песчаника вся была продырявлена отверстиями, словно гигантский садок для кроликов. По виду утесы здесь были естественные, но во внутреннем лабиринте подземных ходов и пещер, в который мы вошли, несомненно, было много искусственных сооружений. Местами покрытие подпирали сложенные из кирпича колонны, а стены, несомненно, были выглажены и выровнены каким-нибудь орудием. Я догадывался — так как Дрим ничего сообщить мне об этом не могла — что владыки острова одно время намеревались использовать эти естественные пещеры, но затем были напуганы каким-то нелепым суеверием. Не мог же я поверить в допотопное чудовище, выползшее из моря и, как василиск, убивавшее одним взглядом? Как же бы это оно прожило пятьдесят лет в этих пещерах, ни разу не показавшись на свет Божий?..

Я поделился своим сомнением с Дрим, но она была непоколебима. Следы чудовища, когда оно уползло в пещеры, были видны отчетливо, а обратных следов никогда никто не видал.

— Но как же оно живет? Чем оно питается? — допытывался я.

— Наверное, в воде находит себе пищу.

— Но ведь ты же говоришь, что оно больше не возвращалось назад, в море.

— Нет. Но в одной из дальних пещер — это очень далеко, я туда никогда не заходила — есть большое озеро. Там и живет чудовище. Я тебя сведу к такому месту, откуда слышен шум воды, ниспадающей в озеро. Только иди за мною следом, а то ты заблудишься.

Она долго вела меня по извилистым подземным коридорам, наконец, остановилась, стала на колени и припала ухом к земле, и заставила меня сделать то же. Действительно, отсюда слышен был шум воды, бегущей вниз, но это еще не доказывало существования озера, ни, тем менее, чудовища, будто бы в нем обитавшего. Я сказал ей это, и она,

видимо, осталась недовольна.

— Когда ты нашел меня в лесу, — начала она, — я была очень печальна, так как уже много дней ни с кем не разговаривала и знала, что меня ждет смерть и уйти от нее нельзя. Когда ты пришел, я развеселилась, потому что вдвоем легче, и еще потому, что ты храбрый, все надеешься и ничего не боишься. Но ты должен думать, как я, иначе я опять стану печальна. И потому ты должен верить в великого змея.

— Не будем говорить о нем. Покажи мне лучше, где ты спишь здесь.

Она повела меня по коридору, быстро суживавшемуся, так что я едва мог протиснуться в небольшую пещеру, примыкавшую к нему. В этой спальне ничего не было, кроме грубого ложа из сухого папоротника.

Дрим пояснила:

— Я потому и выбрала это местечко, что ход здесь такой узкий, а большой змей, живущий в озере, ведь огромный, толстый. Здесь ему не пролезть и не добраться до меня.

— А как же ты устраиваешься с едой?

— О, еды у меня достаточно, — слишком даже много. Каждую ночь кто-нибудь из наших приносит мне пищи и оставляет ее у входа в пещеру. Сюда они не заходят, потому что они не такие умные, как ты, и верят в змея. Я и сама ни за что бы не вошла в пещеры, если б не была уверена, что все равно мне скоро помирать.

— Но разве боги ваши это позволяют?

— Не знаю. Они тоже избегают близко подходить к пещерам. Я думаю, что они даже знают о том, что мне сюда несут пищу, и не хотят мешать этому. Ведь у них наказание только одно. А морить меня голодом — зачем им это, когда им стоит только указать на меня своей смертоносной палочкой, чтобы мгновенно выжечь мое сердце? Однако, ты напомнил мне, что я проголодалась после купанья. И ты тоже должен думать, как я, и быть голодным, когда я голодна, и мы будем есть вместе.

Она показала мне другую комнатку, поближе к входу, где она держала свой запас провизии, очень несложный. Здесь была горка тонких сладких сухарей и другая горка су-

шенных плодов, цветом и вкусом похожих на виноград, но только вчетверо крупнее.

— Они растут в лесу, — сказала Дрим. — Осенью, когда они созреют, только что сорванные с дерева, они очень вкусные. Не придется мне уж больше рвать их — это меня огорчает.

Она, кажется, до сих пор еще была обижена на меня за то, что я не верю в чудище, вышедшее из моря, но, в общем, болтала со мной довольно дружелюбно. Я понял теперь, что было ошибкой с моей стороны пытаться так грубо вырвать с корнем и сломать верования, в которых она была воспитана. Вообще, может быть, не следует подрывать чужую веру, если только эта вера не вредна. Я простой моряк и не привык к миссионерству; неудивительно, что оно у меня не вышло.

Подкрепившись пищей, девушка прилегла отдохнуть на свою постель из папоротника, а я снова взобрался на вершину холма, чтобы взглянуть на море. До самого вечера я не сводил с него глаз, прибегая подчас и к услугам морского бинокля, но никогда не замечал и признака паруса.

Должен сознаться, что планы мои теперь изменились, и всецело под влиянием Дрим, очаровавшей меня с первого взгляда. У меня прошла охота осматривать город рабочих и личными наблюдениями дополнять то, что могла мне рассказать о них моя подруга. Я решил соединить свою судьбу с ее судьбой, и, если возможно, спасти ее от гибели, грозившей ей. Как я это сделаю, я сам не знал. Я мог только выжидать и стараться не упустить случая.

Я нарвал себе папоротника и, нагруженный им, снова вернулся к пещере. Дрим ждала меня. Все следы неудовольствия изгладились с ее прелестного лица. Чтобы не огорчат ее, я уже не заговаривал больше о купанье в море. Мы сидели и беседовали, пока не взошли звезды на небо. В первый раз с тех пор, как я попал на этот остров, я посмотрел на звезды. И не находил ни одной знакомой. И не мог понять, в какую же часть света я попал, и тот ли это мир, в котором я жил раньше. Впрочем, этот вопрос не очень волновал меня. Так приятно было сидеть и слушать рассказы

Дрим о белке, которую она поймала в лесу и приручила. Голос ее был так изумительно нежен и ласков.

Скоро она опять улеглась на свое травяное ложе, а я набросал папоротника у входа в пещеру и устроился здесь на ночь. Я знал, что ей приносят пищу ночью, и хотел, если возможно, увидеть ее друзей и поговорить с ними.

Но попытка не удалась. Не проспал я и часа, как меня разбудили шаги. Я выглянул из пещеры и увидел направляющегося в мою сторону мужчину с подносом на голове. Но на расстоянии ста шагов от пещеры он поставил поднос на землю и повернул обратно. Я окликнул его, говоря, что я друг и никакого зла ему не сделаю — хочу только поговорить с ним, но он, должно быть, не понял моих слов, а незнакомый голос напугал его, и он со всех ног бросился бежать.

Рано утром я выкупался в море, но по возвращении не сказал об этом Дрим. Рассказал ей только, как человек, пришедший ночью, убежал, услышав мой голос.

— Нехорошо ты это сделал, — сказала Дрим. — Ведь ты же мне говорил, что теперь уже не хочешь идти в город и останешься со мною. А выходит, что меня тебе мало, что тебе еще нужно говорить с другими. Ну, хорошо. Тогда эту ночь я буду ждать у пещеры и сама приведу сюда человека, который приносит мне пищу. Есть один, который очень любит меня — должно быть, это он и приходит.

Я сказал ей, что передумал и не хочу уже больше видеть того человека. Дул свежий ветер, и мы весь день провели вместе в лесу. Снова и снова я разглядывал море в бинокль и опять безрезультатно. Я не мог понять, в каких неведомых водах находится этот остров. Весь день Дрим была задумчива и молчалива, но не от страха, так как она знала, что в такую погоду боги в лес не ходят. На другое утро я опять пошел купаться и, когда вернулся в пещеру, девушка сказала мне, что она видела, как я уплыл далеко.

— Почему ты мне не сказал, что ты это делаешь?

— Боялся огорчить тебя.

— Я не ребенок, и не надо обращаться со мной, как с ре-

бенком. Если я захочу, я тоже буду думать о море так, как ты. Я осмелюсь на все, на что осмеливаешься ты.

Я сказал, что я не сомневаюсь в этом. Полдня шел дождь, и мы не выходили из пещеры, но время в разговорах проходило быстро. Дрим рассказывала мне, какую жизнь она вела и какими законами управляется ее народ.

Я уже говорил, что начинал ненавидеть этих четвероногих хозяев острова, которых невежественные рабочие принимают за богов. Я и теперь ненавижу их. Я презираю их за их бесполость, нервность, отсутствие мускулов. Презираю за то, что им чужды страсти и мил тепленький разврат. Презираю их эгоизм, хоть и дивлюсь их мудрости.

Но, если говорить по совести, их деспотизм — недобрый и корыстный, чисто эгоистический — создал такую прекрасную породу рабочих, какой не видано в нашей стране. Их лучше кормят здесь, лучше одевают, их жилища чище и удобнее. И сами они здоровее — болезни здесь почти неведомы — и счастливее. Я сознательно употребляю это слово. С ними поступают жестоко — на наш взгляд, это страшная жестокость, но эта жестокость чужда капризов и причуд, она вытекает из законов, таких же незыблемых, как и законы природы. Мать слабого, хилого ребенка, которая видит гибель своего дитяти, по крайней мере, знает, почему он гибнет, а у нас, когда молния убивает лучших и подающих наиболее надежд, мы не знаем, за что они гибнут. Здесь каждого человека тренируют для той работы, которая ему наиболее по вкусу-наклонности, и вкусы всегда принимаются во внимание, ибо, чем охотнее человек делает свое дело, тем оно лучше у него выходит. Отношение к женщинам чисто животное, и лишь в редких случаях женщинам позволяют жить более сорока пяти лет. Но, с другой стороны, женщин не удручают тяжелой работой; женщин, которые готовы стать матерями или недавно стали ими, окружают заботливым уходом, какого не знают наши фабричные работницы; и в выборе себе супруга ни одна женщина не руководствуется низменными соображениями финансового или общественного характера. Детей не мучают и не терзают проклятыми конкурсными экзаменами, которые у нас зовутся

школьным образованием. Каждого ребенка учат немногому существенному, но зато уж основательно. Воспитание строго индивидуализировано и основано на разумном изучении природы данного ребенка. Если чтение, письмо и арифметика не нужны ему для той работы, которую ему потом придется делать, его ничему этому и не учат. Почти можно сказать, что детей балуют. Но с самых ранних лет внушают им веру в незыблемость и неумолимость законов, управляющих их расой.

На закате дня девушка опять загрустила. Неожиданно она встала и объявила, что хочет вернуться к своим, в город.

— Но, — возразил я, — ведь ты же знаешь — для тебя это равносильно смерти.

— Для женщины есть вещи, которые хуже смерти. Напрасно ты удерживаешь меня. Если ты непустишь меня в город, все равно, завтра утром я пойду в лес, наемся ядовитых ягод и умру.

Я решил, если мне удастся выбраться отсюда, взять Дрим с собою и жениться на ней. Но теперь мне уже казалось, что на это нет надежды. Я не оправдываю себя и даже не знаю — при таких обстоятельствах, нуждаюсь ли я в оправдании. Но я сказал ей, чтоб она не искала смерти от волшебной палочки своих богов и не ходила в лес есть ядовитые ягоды, так как того, что для женщины хуже смерти, с нею не случилось.

ГЛАВА X

Затем последовало шестнадцать дней такого безоблачного идиллического счастья, что, если б ни одной светлой минуты не было больше в моей жизни, ради одного этого стоит жить. Дрим перестала бояться моря и каждое утро купалась и плавала вместе со мною. Иногда мы ловили форелей в лесных прудах и я чистил и жарил их, как меня научили это делать туземцы Южных морей, в горячей золе и на горячих камнях, добывая огонь при помощи зажигательных стекол в моем бинокле. Но это мы позволяли себе делать лишь в такие дни, когда дул сильный ветер, чтобы дымом не обратить на себя внимания и не выдать своего местожительства. Веру Дрим в то, что в дальних пещерах обитает чудовище, вышедшее из моря, мне так и не удалось поколебать, но она перестала бояться и этого чудовища, и всего прочего.

— Когда придет смерть, — говорила она, — мы умрем оба. Но, пока она не пришла, каждый день — наш. Когда люди так счастливы, что уже невозможно быть счастливее, тогда не трудно умереть. Вино жизни уже выпито.

Я все-таки не отказался от мысли исследовать пещеру и не делал этого только потому, что у меня не было спичек. Но на утро шестнадцатого дня я нашел в лесу смолистое, сухое дерево, из которого можно было понаделать отличных факелов. Наломав побольше веток от него, я вернулся в пещеру и сказал Дрим, что я задумал.

— Я пойду с тобой, — объявила она. И я не мог отговорить ее.

Мы развели у входа в пещеру небольшой огонь и подерживали его весь день, а когда солнце закатилось, зажгли от него наши факелы и отправились на разведку, не взяв с собою ничего, кроме моего складного ножа и куска мела, чтобы отмечать им свой путь в лабиринте.

Скоро мы дошли до перекрестка, где сходились два хода, оба такие широкие и такой вышины, что по ним без труда можно было бы ехать в карете четверкой. Один из этих

ходов вел наверх и, без сомнения, выходил на другую сторону холма. Другой круто спускался книзу — его-то мы и брали. Если подземное озеро существует, этот ход должен вести к нему. Чем дальше мы подвигались вперед, тем слышнее становился шум падения подземных вод. Я был взволнован, возбужден и жаждал увидеть как можно больше.

Неожиданно ход разросся в огромную пещеру, такую обширную, что в дальние углы ее не проникал свет наших факелов. И хорошо, что я осматривал каждую пядь земли, прежде чем поставить ногу, ибо неожиданно я очутился на краю пропасти. Я лег на живот и, вытянув вперед факел, заглянул вглубь. Там, внутри, была широкая полоса темной воды, в которую с одного конца низвергался водопад. Посредине озера торчало наружу что-то вроде гладкой скалы или большого камня. Я не мог сообразить, что бы это такое могло быть.

— У нас много факелов? — спросила Дрим.

— Масса.

— В таком случае, мы увидим, что это.

Она замахала факелом над головой и, когда он ярко разгорелся, швырнула его вниз. Он упал на громаду, торчавшую из воды. Громада медленно перевернулась, показав всклокоченные волосы, перепачканные илом. Запах паленой шерсти дошел до нас и с ним глухой, сердитый рев, от которого дрогнули стены пещеры.

Мы в страхе бросились бежать. Не знаю, как я не выронил факел; во всяком случае, это можно приписать только случайности, а не моей храбрости. Мы даже не смотрели на пометки мелом, сделанные нами на стенах для того, чтобы не заблудиться, и потому на время сбились с пути в лабиринте запутанных ходов и переходов. Но в конце концов нашли дорогу и вышли из пещеры в лес, где и провели остаток ночи без сна, беседуя о чудесах, виденных нами. Это была последняя ночь, проведенная нами вместе.

Не успело взойти солнце, как я увидал невдалеке от нас над землей курящийся дымок.

— Что это? — спросил я.

— Это конец, — сказала Дрим. — Мы умрем вместе.

Дымок, не поднимавшийся кверху и не рассеивавшийся, скоро сгустился, стал менее прозрачным и, колыхаясь, постепенно принял определенную форму. Перед нами выдвинулась уродливая голова и блестящие, как бусинки, глаза профессора.

Правая рука его, покрытая резиновой перчаткой, скользнула в сапог и вытащила из него смертоносную палочку.

— Чужеземец умрет первым, — молвил он и ткнул палочкой в мою сторону. Дрим уцепилась за меня. Я почувствовал в горле точно ожог...

. . . . .

А затем было то, что представляется мне — хотя, быть может, другим оно и не покажется таким — наиболее странной частью моей истории. Очнувшись от обморока или забытья, я почувствовал, что меня качает, словно в колыбели. Я открыл глаза. Я лежал на палубе корабля. Надо мною наклонялись два человека; один из них подносил к моим губам флагу с водкой.

— Вы видите, — торжествующе вскричал он. — Человек этот жив, — я выиграл пари.

Впоследствии я узнал, что нахожусь на борту парохода «Гермиона», шедшего из Александрии в Кардифф с грузом семени хлопчатника. Меня нашли без чувств в открытой лодке. Матросы обращались со мной грубовато-ласково, отходили меня и привезли домой, но, когда я рассказывал им о том, что я видел и пережил на острове, они лишь недоверчиво качали головами.

После того ничего интересного не случалось со мной, пока меня не привезли в этот большой дом, похожий на барак, где я теперь живу — и живу очень недурно. Здесь много докторов и много гостей. Некоторые из гостей, боюсь, не в своем уме, так как они говорят странные вещи. Я доволен. Я свою жизнь изжил. Но, так как никто не хочет слушать рассказов о моих чудесных переживаниях на острове

Фуле, — а если кто и слушает, не принимает их в серьез, — я записал их здесь для иных поколений, более вдумчивых и разумных.

ОБ АВТОРЕ

Барри Пэйн (1864-1928) — английский поэт, беллетрист и журналист. Уроженец Кембриджа и выпускник кембриджского колледжа Корпус-Кристи, где изучал классическую филологию. Активно писать начал еще на студенческой скамье, публиковал пародии и юмористические рассказы в журнале *Granta*. С конца 1880-х гг. публиковался в *Cornhill Magazine*, *Punch*, *The Speaker*, *Black and White*, работал в газете *Daily Chronicle*.

Обширное литературное наследие Пэйна включает около 60 книг, в том числе сборники рассказов, повести и романы. В свое время был широко известен как автор историй о привидениях и рассказов о «потустороннем»; встречаются в его произведениях и элементы научной фантастики.

Повесть *Новый Гулливер* была впервые напечатана в 1913 г. Русский перевод З. Н. Журавской был впервые опубликован в 1914 г. в №№ 1-2 журнала *Волны*. Орфография, пунктуация и некоторые устаревшие обороты приближены к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.